

Владимир Андерсон

БОРЬБА

Путь к власти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Андерсон
Борьба: Путь к
власти (книга вторая)
Серия «Борьба», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69765205

SelfPub; 2024

Аннотация

Вторая часть саги "Борьба". Гора получает под свой контроль весь сектор "Диза" и теперь является префектом. В его руках сконцентрирована вся власть принимать решения о судьбах людей. Он устанавливает стандарты для вознаграждения и наказания, а его решения не подлежат обсуждению. С властью главного героя возникает несметное количество возможностей и ресурсов для осуществления его замыслов. Он начинает собирать вокруг себя сторонников и союзников, увеличивая свою армию и влияние. Его возможности ограничены только его собственными устремлениями, и он стремится набраться сил перед тем, как нанести свой решающий удар.***Раскрыты сложные моральные дилеммы, которые возникают при обладании неограниченной властью, и показаны, какие последствия могут нести решения, принятые одним человеком за многих.

Содержание

Пролог	4
Префект	7
Живенко	14
Митрополит	31
Префект	40
Маша	46
Болотников	58
Паук	84
Болотников – Живенко	94
Верховный жрец	110
Паук	113
Живенко	122
Маша	129
Паук – Префект	132
Живенко	140
Кошкина	155
Митрополит	161
Болотников	166
Маша	172
Живенко – Кошкина	174
Префект	180

Владимир Андерсон

Борьба: Путь к власти (книга вторая)

Пролог

Уже вечер. Стемнело, и пора спать. Маше отвели просторную комнату: три окна, два больших дубовых шкафа у стены и кровать.

Пожелав «Спокойной ночи» девушку оставили одну. Ей стало настолько непонятно, что сейчас делать, что она даже немного испугалась: беспокоить этих добрых людей совесть не позволит, а что делать неизвестно.

Для начала, что такое кровать? Бабуля так старательно стелила всё это: простыня, пододеяльник, наволочки... Что это всё? Разве нельзя просто лечь и прикрыться одеялом? Подложить руку под голову и спать... Зачем на что-то залезать? Зачем подушка? Все на шахте привыкли к другому. Да и так ведь удобнее...

Хозяева уже легли. Время шло.

Маша никогда не снимала одежды перед сном, как и все на шахте, но сейчас другое дело. Всё это такое чистое, а её светлые джинсы наполовину в земле и уже совсем не свет-

лые, серая куртка мокрая, и пачкать всем этим то, что, очевидно, так долго мыла Мария Сергеевна, девушке вовсе не хотелось.

Аккуратно уложив свою одежду на комод, Маша легла на кровать и укрылась одеялом.

Приятно и легко.

«Эти люди правы. Так гораздо лучше спать», – подумала Маша.

Этот тусклый и смертный лунный свет. Он носился по всей комнате, и в каждом углу отражался чумом. Девушка снова вспомнила своего мужа. Перед её глазами вились гнусно-жёлтые картинки его мёртвого тела. Как он перестаёт дышать, и она остаётся одна, без него.

И с этим ничего не сделаешь!

«Господи. – Маша прикрыла глаза ладонями. – Как я могу жить без него? Почему ты забрал его, а меня оставил?... Я хочу к нему. Я не могу без него... Господи, почему ты забрал его?»

«Я всегда с тобой. – это говорил тот самый внутренний голос посередине груди. – Маш, я всегда с тобой».

И ни лунный свет, отражающий чумов во всех углах, ни эта высокая кровать с белыми простынями – ничего не могло подавить этот голос. Он говорил с Машей полминуты, или полчаса, или полночи, и ей всё казалось, что это вечность. Что это та самая вечность, что не может закончиться никогда. Ведь в эти моменты он рядом с ней, и он – часть её... Как

и тот сон, что собрав всю её усталость предыдущих дней, забрал её к себе до самого утра.

Префект

Со времени побега Марии из сектора «Диза» прошла неделя, затем ещё одна, потом месяц... Жизнь стала другой, другой для всех.

Кто на каком участке будет работать решает Гавриил Железнов. Сколько добывают в день решает Гавриил Железнов. Кого и как наказывать и награждать решает Гавриил Железнов.

От чумов идёт единственное указание – месячный план.

Теперь во всей группе ничего не происходит без ведома Горы. Единственные два сектора, оставшиеся под контролем чумов: 2-й и 5-й (в пятом отдыхала охрана, ход к нему продвигался из коридора, соединяющего очистительную с погрузочной – на ночь именно эта территория перекрывалась).

Более того Горе обустроили отдельный кабинет у выхода из очистительной в 1-й сектор. Хоть он там и редко находился, важен был сам факт наличия помещения префекта группы, где, кстати, имелась картотека с отчётами обо всех преимуществах и недостатках добычи различными инструментами в различных условиях: по правде говоря, все это и так знали наизусть и без всяких отчётов.

27-о апреля префект назначил своей бывшей соме сектор очистки. Его место к этому моменту занимал Костя Богатый.

Сразу после раздачи указаний Гора удалялся в свой каби-

нет за свой дубовый стол и стул. Это был специальный манёвр: все должны обдумать свою задачу и зайти за пояснениями, если они нужны, а если не нужны, то приступить к работе. Но делать всё быстро, иначе явится сам Гора со своим железным диктаторским голосом.

Усевшись на стуле, префект замер. Каждый день для него эти несколько минут ожиданий длились невероятно долго. Он даже подумывал о том, чтобы плюнуть на всю эту стратегию «большого начальника» и «непоколебимого тирана». Ждать с каждой секундой становилось всё тяжелее и тяжелее: ему повсюду мерещился погибший сын и то, как десятки железнодорожных составов, перевозящих тонны угля, проезжают именно там, где его похоронили. Эта постоянная дурная мысль о том, что можно было найти гораздо лучше место, чем то.

В этот раз в помещение зашёл Волин; его должность заместителя позволяла максимум возможного. И был он мрачнее тучи, и было от чего. Сколько он уже не видел своего ребёнка?

«Гави, ты мне объяснишь, что происходит?» – сказал он даже чересчур спокойно для своего состояния. Этот вопрос месяц вертелся на его языке и вот сорвался в таком виде.

«Присаживайся», – сейчас такой вариант ответа являлся единственно верным: начни что-либо говорить ему сразу, и он не выдержит.

Волин опустил на стул, уставившись на стенку слева. В

его лице не виднелось ни обиды, ни злобы: оно просто ругало себя уже пятую неделю подряд, от того и потеряло выражение – это болезненная усталость.

«Давай разберёмся по порядку...» – Гора почувствовал, что после этих слов должно произойти нечто резкое, но ничего подобного: тот просто тряхнул головой и угрюмо согласился.

– Маша должна была добраться до Раздольного. Так?

– Так

– Там её должны были ждать маки. Аж до 10-о апреля. Так?

– Ну так, так. Только ничего нет...

– Есть и ещё как... Группа, которая должна была её встретить, попала в засаду, не дойдя до места встречи 26 километров. В живых остались двое. Они повернули обратно. Следующую группу послали позднее, и прибыла она 8-о апреля.

Волин слушал всю эту историю и еле держал себя в руках: маки не смогли встретить его дочь, и он уже ненавидел их: «Гави, ты меня понимаешь... У меня кроме неё никого нет. А теперь нет и её... Ты же...»

– Я не договорил. Её не встретили, это так. И следов её не нашли нигде поблизости. Но. Ты понимаешь, что в другое время это никто бы не принял всерьёз, но один из маки видел девушку, высокую, с длинными светлыми волосами. Ты знаешь, что на воле таких совсем немного...

– Где?! Где её видели? – Волин вскочил так, что стул от-

летел назад, к двери как сдутый.

Гора улыбнулся, хоть и слегка деланно: «Всё в порядке. Всё хорошо... Тот повстанец не помнил точного места. Она стояла на другом берегу реки. Совсем недолго.»

– Где? Какой реки? Да не тяни ты!

– Кальмиус. Там, где и должна она была быть... Это было рядом с городком Новый Свет... Ты не волнуйся. Спроси у Тихомирова, он тебе всё расскажет. Кто, как не он должен знать такие вещи?

Лицо Волина закружилось в неизвестном направлении. На лбу выскочили складки, растягиваемые старыми морщинами. Эти морщины шли вот уже месяц и тут растрескались. Шахтёр стал опускаться вниз и, не найдя стул, сел прям на землю – ему стало не легче, и он не знал, что ему делать дальше. Все эти сообщения только добавляли ему тяжести на душе, и со временем он переставал ощущать и время и окружающую действительность.

В комнату без стука ворвался Николай Лесин: «Гавриил Владимирович, там трешак творится!» Его лицо наполнялось чем-то неестественным, тем, чего никогда не возникало раньше.

«Тебе надо отдохнуть. – Сказал Гора, встав из-за стола и подняв валявшийся у двери стул. – Просто посиди немного. Ничего не делай».

Выйдя из кабинета, префект сразу понял, в чём дело: двое шахтёров, прямо в его коме, дрались друг с другом.

Эту ситуацию понял префект, а вот до Гавриила Владимировича она дошла не сразу – в его разуме происходили неведомые до толе процессы размышления: «Двое шахтёров устроили драку... Они оба шахтёры. У них одна судьба. Плечом к плечу. И они дерутся. Драка – способ проявления неприязни, ненависти, может, попытка убийства, потеря самоконтроля... Ненависть. Убийство. Эмоции.»

Один шахтёр бьёт другого. Когда такое было?

За всем этим наблюдало почти две сотни человек, включая Богатого, и ни у кого не появлялось мысли что-нибудь сделать.

Никто просто в это поверить не мог.

Самый старых из всех, кто ещё жил под этой землёй, шахтёр Николай Павлович Красненко считал, что у него маразм. Он думал, что к его восьмидесяти двум годам, его уму пора двинуться. И этому ему представлялись веские доказательства... Чтобы он сам когда-нибудь даже подумал о том, что можно ударить своего товарища... Да никогда. Никогда даже мысли не возникало. Обидеться на кого-то – да. Поругаться – тоже да. Но не ударить. Чумы делают это за нас. А чтобы своего товарища... Никогда. Как это можно? Ведь плечом к плечу. Ведь друг без друга здесь не выживешь. Да мы же родные все здесь! Нет, такие вещи просто не укладываются в голове.

«Молодёжь? Да нет. Какая молодёжь? Мы так не делали, когда были в их возрасте», – думала Галина Борисовна. Ей

казалось всё это каким-то нелепым стечением обстоятельств того, что эти двое что-то недопоняли в отношениях между всеми на шахте, в том, что здесь одна отдельная личность ничего не представляет без всего остального коллектива. И не смотря на все эти оправдания их глупости, ей всё равно было их жалко.

Мысли всех шахтёров ходили вокруг да около этих двух слов: глупость и жалость.

Гора двинулся в сторону дерущихся. До них было метров пятнадцать, а, когда стало десять, они оба заметили подходящего. Тут же разнялись и застыли на своих местах.

Гора и не думал разбираться, в чём там дело – подошёл и треснул одному из них так, что тот отлетел головой назад на несколько метров и свалился на землю. Другой не шелохнулся, боясь навлечь на себя что-то похуже. Широкий размашистый удар снёс его в сторону. Оба теперь лежали на земле, почти не шевелясь и еле дыша.

В стороне стоял Кирилл Столов, даже не моргая. Когда-то он уже видел, как казнили Пинищева, и прекрасно знал, что и сам тогда мог оказаться на его месте. Того случая ему хватило на всю жизнь, и сейчас, ему хотелось, чтобы всё закончилось, и работа пошла дальше.

Гора заметил того, кто ему нужен, и рукой позвал его к себе. Это был Столов. Его глаза провалились в страхе и замерли в своей последней точке. Ноги медленно поволочились вперёд.

«На первый раз они будут жить, – сказал Гора тому, что больше всех его боялся. – но следующий раз будет последним». Его голос звучал достаточно тихо, и, кроме Столова, его никто не слышал, но как только он уйдёт, каждое его слово станет известно всем. И Столов расскажет всё это так, чтобы никто уже и не вздумал сделать что-то подобное.

Живенко

Город Кременчуг. Довольно-таки тепло, и снег почти растаял. Весна почти пришла.

Виктор Хмельницкий и его «Отряд 14» на некоторое время перебрались сюда.

Дом среди домов, такой же деревянный, как и все остальные. Внутри нетопленная печь и Миша Живенко за столом. И глаза его померкли, и голова его поникла, но руки не опустились.

Мысль его медленна и тревожна. Вот уже месяц винит он себя, что отпустил Сашу одного, что лошадь его подвернула ногу, что был ещё шанс всё изменить.

Лично ему написал письмо командир Никопольской группы. Он читал его столько раз, что успел выучить наизусть: «Мой друг! Я не могу писать официально, ведь это неофициальное письмо. Оно не содержит ни секретной информации, ни указаний к действиям. Оно нужно лишь для того, чтобы помочь нам в такое трудное время.

Уверен, что ты, как и я, не раз видел, как погибают наши товарищи, отдают свои жизни ради победы. И ты, и я потеряли много друзей и родных. И мы ничего не можем сделать с этим. Мы можем только терпеть и продолжать то, ради чего погибли они, и ради чего, возможно, придётся погибнуть и нам. Это наша судьба, и нам ничего не остаётся, кроме как

следовать ей.

Мы все так думаем и стремимся во что бы то ни стало сделать то, что мы должны. Но существуют такие моменты, которые толкают нас вперёд ещё сильнее, которые заставляют нас верить в победу. Это героизм.

Не раз я видел это на поле боя и вне его, и каждый случай я никогда не забуду.

То утро было необычайно красиво и солнечно. Древние считали, что прекрасные дни Земли должны быть прекрасными и для человека... Я стоял тогда на крыльце и чувствовал, что это и есть тот прекрасный день.

Из дозора возвращались двое, но вскоре я увидел и третьего с ними. Это был Саша. Сначала я подумал, что с ним всё в порядке. Он легко слез с коня и подошёл ко мне. Но тут я заметил, что его пальцы не двигаются, они синие и мёртвые. Я не знаю как, но он достал что-то ими из своей куртки. Это было письмо. А затем он свалился навзничь и больше не приходил в сознание. Я даже не успел услышать его последние слова. Тогда я хорошо запомнил его глаза... Я не сразу понял, что значит их выражение. Они были спокойные и довольные. Я никогда не видел у мёртвых такие глаза.

Только на следующий день мне стало понятно, почему он так смотрел на небо в последний раз. Ему больше ничего не было нужно, он хотел умереть.

Потом мы нашли его следы. По снежной степи. Я не могу описать, что я почувствовал тогда... Эти следы уходили в

бесконечность. Я не представляю, чего ему стоило пройти всё это.

Я не мог не написать тебе это письмо, я должен был хотя бы кому-то рассказать о мужестве нашего друга.

Царство ему Небесное!

Твой вечный друг, друг Саши Ручьёва».

После того случая прошло уже достаточно много времени. Миша получил звание капитана и с недавних пор держал под руководством трёх офицеров и взвод: Макса Рожкова, Гришу Листова и Костю Мецова.

Раздался лёгкий стук в дверь, и внутрь вошёл майор Серёга Болотников. Вид его вполне довольный, хоть и ни о чём не говорил, но всё же обнадёживал.

«А сегодня хороший денёк...», – бодро сказал он, гремя своими сапогами по скрипящему полу. Это типично советский офицер: опрятный, но не выряженный как на парад, с видимым соблюдением правила «В здоровом теле здоровый дух» и без ненужных форм показухи вроде широченного шага на метр в сторону.

«Да. – Ответил ему капитан, не поднимая головы. – Как раз такая, как тогда, когда погиб Саня».

– Знаешь, твоё неследование субординации когда-нибудь доведёт тебя до края. Мне-то ладно, но ты сам знаешь, какие бывают... У нас ведь не без этого...

«Ты прав», – сейчас Миша просто отмахнулся, не желая закручивать подобный бессмысленный разговор, имеющий

в перспективе лишь одно окончание.

– Да брось, я не за этим. У меня для тебя хорошие новости. Не спрашивай, почему так поздно, всё равно не скажу... Месяц назад Саню и тебя отправили с письмом. Ты ведь из-за этой истории всё с ума сходишь. Надеюсь, тебе станет легче. В этом письме был приказ заминировать дорогу Днепропетровск-Донецк у реки Волчья. Благодаря Сане они успели это сделать вовремя. Пять бур попало в засаду. Это больше двухсот чумов.

От этого, действительно, стало легче: «Двести чумов. Молодец Саня».

– В придачу ко всему река затопила тоннель. Когда они починили и починили ли вообще неизвестно, но досталось им по орехам это уж точно.

Оба постанца саркастически улыбнулись.

«Порядок, Миш. Мы идём правильной дорогой к победе. – вывел Болотников и сделал свой любимый приветственный знак – стукнул каблуками, звучно и пристойно. – Будь здоров, дружище».

Этот повстанец весьма воодушевил замаявшегося самого в себе человека, и он решил пройтись по лагерю.

Выйдя на улицу, Миша обнаружил, что вокруг полно народу. С чего это все повылезали как на праздник?

Пройдя мимо несколько домиков и поздоровавшись с десятком замечательных и не очень людей, он наткнулся на того, кого никогда бы не хотел видеть, и не подходил бы к нему,

но тому чего-то было надо, и она подошёл сам.

Капитан Раньеров. Это сущее трепло. Стоило какому-то делу зайти в разговор, и при его участии начинался пустой спор. Ну вот просто ни о чём. Неизвестно зачем, но он на каком-то генетическом уровне пытался доказать, что его точка зрения верна, а всё остальное ничего не стоит. Мало того, если никакого дела нигде не было, и его никто не звал, он вояплялся с совершенно бестолковыми вопросами и почти требовал на них ответов, особенно у низших чинов.

Не раз испытав это, Миша готовился открыть рот и послать его куда подальше.

«Ты не видел Костю?» – спросил Раньеров.

Довольно странный вопрос, и ответ на него получился отрицательный кивок головой с продолжением движения вперёд.

– Слышал про Волчью, да?

Может стоит дать ему шанс? Хотя в этот раз скажет что-нибудь хорошее.

«Слышал», – остановившись, ответил Миша.

– Нормально их, да?

– Угу. Наверно, ещё немного и всё...

– Что всё?

– И победим. – голос исходил чуть робко, но из самого сердца.

На это Раньеров усмехнулся: «Победим?! Ха! Да вы тут все фантазёры! Любите думать о своих подвигах. Это мак-

символизм...»

Говорить дальше не было ни сил, ни смысла – Миша отключил свой слух и двинулся дальше. Тот что-то продолжал выкрикивать, но это уже не имело значения: и так хватило. Где-то посередине защемило и заболело. Это боль обиды, она застревает где-то в желудке и давит в глубь. Непонятно, где эта глубь, и куда там можно давить, но это становится всё сильнее и сильнее, и не собирается проходить.

«Зачем я снова заговорил с этим человек. Ну каждый раз одно и то же. И каждый раз всё тяжелее. Мы говорим, «Фантазёры». Мы мечтаем? «Максимализм». Эта дурацкая психоаналитика; навывдумывали слов, чтобы объяснять неизвестно что и неизвестно зачем, а теперь вот этим пользуются всякие... Мы тут из кожи вон лезем, а они ноги об нас вытирают. Нашли бы место, где ещё чисто, а то ж ведь целиком запачкали... Неужели у таких, как он, никто не погиб на войне, неужели ему не хочется продолжить и довести до конца то, за что головы сложили целые поколения? Неужели больше нравится других сбивать с толку, вместо того, чтобы делать то, что жизнь обязывает делать. Мы ведь все здесь только это и делаем – учимся. Любить, воевать, преодолевать... ну вот для нас выпало воевать, ну и что мы не справимся что ли? Да мы обязаны справиться. Мы должны победить!» – это волнами ходило в его мозгу, и несмотря на все убеждения боль не стихала.

На лавочке возле своего крыльца сидел Гриша, один из

подчинённых, и ел хлеб. Почерствевший и засохший, но всё же настоящий хлеб.

Увидев командира, он вскочил и по-воински приветствовал по фуражке: «Здравия желаю, товарищ капитан».

«Да садись уже, чё там», – Миша не любил всех этих почестей, хоть и прекрасно понимал, как важны все эти формально. Но особенно он ненавидел строевую подготовку. Когда дело касалось элементарных приёмов строевого шага, вопросов целесообразности их отработки у него не возникало, но он как-то читал, что древние отдавали этому некое щепетильное значение: создавали специальные подразделения, занимавшиеся только этим, устраивали особые представления. Ну что это за глупость? Это же армия. Пусть учатся стрелять и прятаться. А ещё лежать недвижно, смотря во все глаза. Это спасёт жизнь... Не будут же они врагов побеждать своими выкрутасами с доисторическими винтовками.

«Гриш, скажи мне, что мы здесь делаем?» – спросил Миша, сев рядом на ступеньки.

Тот, очевидно, подумал, что его проверяют на предмет пригодности в идеологическом плане, и ответил в соответствии с этим: «Мы сражаемся за свободу, своё культурное наследие, и мы...»

– Да брось ты эту пропаганду. Мы 14-й отряд, а не КПМ (Комитет Пропаганды Маки; в его задачу входило агитировать работающих на чумов людей, в том числе призывая к восстанию). Ты мне скажи, что *ты* думаешь».

«Я?... Извините, я не знаю, товарищ капитан. – во время данного ответа Миша изобразил такую физиономию, что можно было подумать, что он разговаривал с совершенно далёким от всего происходящего человеком. – Честно, я убежал с завода, потому что боялся, что в следующий раз не выдержу, когда чумы начнут подкидывать объём выплавки, и закричу. Мы ведь редко выполняли норму. Ещё пару ударов я бы не выдержал».

Продолжать откровения было опасно для такого, как он – чуть ли ни все его жесты показывали, что ему стыдно за что-то, что он хотел бы рассказать, но не может. Миша прервал, потому что видел это не в первый раз. Он знал, что так хочет раскрыть его подчинённый, и то, что лучше будет, если он сделает это без принуждения.

Повстанец снова побрёл по лагерю, не переставая прокручивать в голове сказанное ему Раньеровым – словно это никогда не вылезет наружу и не забудется.

Навстречу ему попала Наталья Кошкина, старший лейтенант из санотделения. Лет ей было всего двадцать пять, но в людях она разбиралась что называется «будь здоров». Одного взгляда ей хватило, чтобы понять, что здесь нужна помощь: «Миш, ты чего такой хмурый?»

Когда она говорила подобные фразы, прибавляя своё изумительное выражение лица, настроение поднималось само собой. В группе её далеко не все любили, но она не держала ни на кого зла, а в нужный момент всегда пыталась поддер-

жать. Ей вообще казалось чуждым не помогать по причине несложившихся отношений. «Даже, если бы сейчас и не было войны, – говорила она тем, кто не совсем понимал её. – мы бы всё равно друг без друга не выжили бы. Мы здесь для того, чтобы помогать другим».

Хоть Мише целиком и не нравилась её позиция – «В самом деле, как вот можно помогать, например Раньерову?». Он уважал её и никогда даже не мог позволить себе спорить с ней.

– Да так, ерунда...

– Небось, не обедал, да?

– Да нет, не обедал...

– Тогда я...

– Не-не, Наташ, не надо. Тебе и самой нечего есть.

– Ну мне что, тебя уговаривать? – искренне и немного обидчиво спросила она.

– Наташ, я правда не хочу – Миша ничего не ел почти сутки, но «отбирать» еду у кого бы то ни было, а тем более у неё, было бы преступлением.

– Перестань. Я знаю, ты ничего не ел.

– Ой, да ладно. Ничего страшного...

– Вот ты не ел, а у меня целая кастрюля супа пропадает.

Пойдём!

– Да я...

После этого ей надоело спорить и убеждать этого альтруиста, и она, взяв, его за руку, потащила к себе в дом.

Маки меняли место дислокации минимум раз в неделю, и она время пребывания в каком бы то ни было районе редко кто обустроивал своё жильё. Это ни коей мере не относилось к Кошкиной.

Зайдя в её домик Миша не понял, что происходит: всё так ухожено и уютно. И самое интересное, что нельзя сказать из-за чего так. Может из-за полотенца с изображением тигра, повешенного на стене, может, из-за скатерти с розочками и здоровенными, величиной с кулак, божьими коровками на столе, а, может, и всего лишь тряпки для обуви у входа. Множество этих чудесных мелочей нельзя назвать роскошью ни с какой стороны – это, скорее, человечность души, вот и всё.

Наташа прошла к глиняной плитке, находящейся в дальнем углу комнаты. Её движения поразительно притягивали к себе глаза. Она ступала мягко и вместе с тем очень уверенно. И казалось, что всё вокруг словно начинает оживать.

Военная форма её ничуть не портила: чёрные сапоги на всю голень, тёмные колготки, видные только в коленях, а дальше зелёная юбка и такой же китель. Чёрные волосы сзади в тонкой косичке.

Видя всё красоту вокруг себя, Миша стоял только и до бесконечности чистил обувь, не отходя ни на шаг от двери.

Обернувшись хозяйка улыбнулась: «Ну что там застрял?»

– Да я ведь это...

– Да проходи ты уже.

И было ради чего: ко всему прочему суп оказался непо-

мерно вкусным. Щи, с капустой, картошкой и всем остальным. Прямо настоящие. Как когда-то делали.

Наташа сидела рядом и чего-то ждала. Может, комплимент. Может, чего-то большего. Она словно не показывала это, но было видно, что ей это нужно. Тепло человека, который рядом. Именно его ей хотелось сейчас больше всего.

И обязательно надо было прежде всего прибавить тепла её сердцу. И тут он обратил внимание, что ест он не из обычной тарелки, не из алюминиевой, как у всех, а из деревянной расписанной красной росписью, словно откуда ни возьмись воскресли старославянские традиции.

– Наташ, я что-то не сразу заметил... Это настолько красивые тарелки.

Её рот расплылся в улыбке, правда, стало очевидно, что ожидала она вовсе не этого: «Правда? Тебе нравится? Это хохлома».

«Очень красиво. А ты что, с собой это носишь?» – Миша в тот же момент понял, что задал катастрофически дурацкий и неуместный вопрос: во время переходов маки разрешалось брать только необходимое, но это всего лишь указание – сможешь, бери, сколько хочешь, только не вздумай отстать; это превращалось в упрёк.

«Да нет, я здесь нашла», – Наташа настолько дружелюбно отреагировала на вопрос, что напряжением спало само собой. Теперь ему не придётся чувствовать себя чёрствым цензором.

Миша решил целиком сгладить свою несдержанность: «А зря, что не носишь. Чудесные тарелки». Стоило произнести это вслух, как он понял, что сказал вообще какой-то бред. И ему настолько стал непонятен ход собственной мысли, что он даже покраснел.

Похоже это ей понравилось. Она так игриво отвернула глазки, развернула голову чуть к боку и слегка приоткрыла рот: «А больше ты ничего не заметил?» Она так и хотела добавить «Как я на тебя смотрю», но женщина всегда ждёт, что такое не придётся говорить самой, что такое должен заметить мужчина сам.

До Миши не дошло: «Похоже, что нет...»

– Миш, а что ты будешь делать, когда закончится война?

Присутствие войны никак не отражалось на взаимоотношениях между сильной и красивой половинами человечества: так же любили, женились, растили детей... Наташа была весьма красивой девушкой, и многие пытались за ней ухаживать, но серьёзных отношений не получалось, потому что она хотела прежде всего понимания со стороны мужчины, и даже как-то верила в судьбу. Она присматривалась ко всем и понимала, что ещё не нашла именно того. Время не стояло на месте, в её возрасте многие уже рожали и давно растили уже даже не первого ребёнка, а она всё в девках.

И весь смысл заключался в том, что она сама не понимала, что вообще хочет. С одной стороны она, понятное дело, не хотела с кем попало, но с другой – и не знала сама для

себя, а что вообще для неё значит «не кто попало». С чем вообще ей сравнивать? У неё же никого толком не было, так чтобы серьёзно. Ну было несколько парней, с которыми она переспала, не получив толком никакой особенной радости, но а дальше-то что? Вот это самое «дальше» было ей совсем непонятно. Вроде у всех парней в голове «одно», но должен же быть такой, который её поймёт. Хотя при этом опять надо понимать, что «все мужики сволочи»... Но это же тоже глупость: не все они сволочи... То есть, ну должен же быть тот единственный, который... который... который что? Вот здесь этот самый дурацкий круг снова замыкался: парень-то её идеальный должен быть каким? Ведь для того, чтобы понять, каким он должен быть, ей надо быть с ним ближе. А как быть ближе, если не уверена?... Над всем этим она ломала голову уже столько лет, как только у неё начались месячные. А во время самих месячных она вообще не понимала, что с ней такое происходит. В этот период одновременно возрастали её желания и вместе с тем непонимания. Вроде чего-то хочется и очень сильно хочется, а чего именно непонятно. Это такое сильное ощущение, что ей казалось иногда, что ей вообще никто не нужен. Но как раз в тот момент, как она начинала думать таким образом, её желанием снова резко менялось, и она снова хотела найти своего единственного. И всё это постоянное кидание в крайности привело её к тому, что она стала считать, что это вообще никогда не закончится. И если бы на этом можно было поставить точку,

то этом было бы ещё полбеды, потому что, когда она видела Мишу, её голова начинала думать совсем по-другому. Он ей нравился, но она сама не знала, чего с этим делать дальше. Вроде она хотела быть с ним, но, возможно, это продлится всего пару месяцев, а потом закончится. И расставаний она прям боялась. Боялась как огня. И потому и не хотела ничего начинать. Вот и ходила она вечно вокруг да около, пытаюсь дождаться чего-то от него, сама не понимая, что это должно быть. И вместе с тем, когда она начинала о нём думать, ей периодически, то хотелось увидеть в нём что-то «сволочное», то хотелось принять что-то уникальное и любимое.

Всё это обдумывание прокатывалось у неё в голове сотни, если не тысячи раз. В итоге она хотела снова его увидеть, чтоб опять дождаться от него чего-то того, что сама не знала. Но она точно знала, что при этом он должен просто с ума от неё сходить. Она сама не понимала, что неё это за отношение к любимому человеку, когда его надо буквально «захватить», но без этого она просто не могла. И она прекрасно понимала, что это какое-то издевательство над ним, когда и она с ним хочет быть, и она с ней хочет быть, и они оба знают об этом, но она себя ведёт так, как будто не совсем его понимает, как будто не понимает, что на самом деле между ними, а он при этом делает вид, что так и надо. Чуть ли ни амазонский подход: «Я тебя люблю, но помучаю», и при этом снова непонятно зачем. С одной стороны ей хотелось как бы «проверить»: если он будет это терпеть, то значит любит; а с

другой стороны – а сколько он должен терпеть, чтоб это действительно считалось той самой проверкой, ведь всегда кажется, что «этого мало» и «надо посмотреть ещё». Но и этого было недостаточно для её размышлений, потому что, когда она снова начинала думать о тм, что «как бы вообще» хочет, то снова ещё больше понимала, чего хочет, и тогда снова начинала думать о Мише, и о том, что любит его на самом деле. Вообще слово «люблю» она стремилась не использовать в своих мыслях, ей казалось, что это будет неправильное выражение её состояния, но тем не менее оно иногда проскальзывало, и именно тогда, когда она думала о нём. И с одной стороны ей очень нравилось, что оно проскальзывает, ей даже становилось легче, но с другой... с другой... её снова начинало тянуть в эту бестолковую «другую» сторону... но чем дальше, тем слово «люблю» звучало всё чаще, и она стала понимать, что в один прекрасный момент она сама себе скажет ответ на вопрос «С ним?» слово «Да».

С Мишей ситуация обстояла схожим образом. Он в последнее время и сам знал, чего хочет. У него было достаточно девушек, и каждая его не понимала, не хотела его понять, и не могла это сделать. Это до бешенства выводило его, оттого и все расставания.

Так что в данный момент его наибольшим желанием было действовать поосторожнее, хотя бы, чтобы не доводить дело до скандала.

Наташу задеть и вовсе не хотелось, но отвечать на этот

вопрос язык не поворачивался: победа не за горами, а за целым океаном.

«Ну, не знаю. – здесь выдумывать не пришлось. – Ушёл бы в запой. Уехал бы в отпуск... Женился что ли...»

– Это всё у тебя всё взаимосвязано? Прямо по очереди идёт? Или надо что-то одно выбрать?

Если раньше в образном выражении Миша стоял в болоте по щиколотку, то теперь по самые плечи: сейчас, что отвечать. В запой уйти ещё как захочется после всего этого. Да и сейчас не против такого – было бы чем.

– Блин, Наташ, ну откуда я знаю! С чего ты взяла, что я вообще доживу?

– Да я так. Просто спросила... В запой, так в запой...

По комнате как улитка проползла секунда молчания.

– Извини, Наташ, я не хотел...

– Да ничего... Я просто спросила...

– Я... Прости, Наташ... Правда, прости. – Миша начал думать, что пора бы уже основательно извиняться, потому что, по крайней мере, пока он это делает, он хот бы отсрочит ту неловкость, которая за последнюю минуту основательно засела в его горле и стала придавать хриплость всем словам, кроме тех, что о чём-то просят.

И Наташа это хорошо заметила. Теперь она видела, что этого парня она добила почти окончательно и что, если и чуть дальше дело пойдёт так же, то он на неё просто забудет – уж слишком тяжело ему давались «такие» игры. Теперь уж

пора передвинуть отношения на другой уровень.

На столе между ними стояла опустевшая от щей тарелка – хороший незаметный повод «подкрасться» к милому незаметно. Со словами «я уберу тарелку» Наташа встала из-за стола, обошла его со стороны и, протянув руку к тарелке, остановилась, а затем медленно двинулась губами к его губам. Вообще есть какая-то разница между теми действиями, что делаешь «просто для чего-то» и тем, что делаешь, потому что «тянет их делать» или, может, «плохо ждать, пока их не сделаешь». Такие действия как-то по-другому делаются: и мозг как-то вроде не совсем контролирует их, и в глазах меняются краски, и даже воздух становится другим. Всё это было сейчас с Наташей, когда её губы двигались к его губам, и ей казалось, что кроме губ она вообще больше ничего не чувствует.

Митрополит

Треугольная тёмная комната. Треугольный тёмный стол. На каждой из трёх стен узор Чёрного Камня. Вокруг темно и дышать нечем.

С каждой стороны стола по две тёмных фигуры – всего шесть. На каждом чёрная мантия с капюшоном и белым кlyком на спине. Это религиозный совет Империи – Священный Сейм.

Религия чумов на священную книгу «Жах». По своей сути она ничем не отличалась от философии концепции человечества «Осевого времени». Но ряд поколений святой церкви переписывал её, внося изменения в свою пользу и для укрепления духовной власти. Раньше, ещё до появления «Жах», в чумном государстве было принято многобожие, и церкви, как самостоятельно организации, не существовало. Все обряды и ритуалы совершали жрецы храмов никак не связанные друг с другом.

После появления «Жах» появилась и церковь: все храмы объединили под одним началом. С тех пор духовная власть во много раз увеличила своё давление на общественную жизнь и государственные дела. Сколь-нибудь существенный вопрос мог быть решён исключительно при содействии верховного жреца и Священного Сейма.

В двенадцать лет назад Священный Сейм утвердил по-

становление верховного жреца-патриарха «Силан-Жах». В нём диктовались непогрешимая власть главы чумной церкви (Невроха, верховного жреца), его исключительная прерогатива как наследника учения «Жах», а также единственного толкователя воли Чёрного Камня.

Это означало повышение влияния на все события, касающиеся и не касающиеся церкви по уничтожению ведьм и колдунов и противодействию ереси. Данная ветвь имела широкие полномочия в судопроизводстве, проводимом жрецами средней руки. После «Силан-Жах» Светский Сейм перестал быть светским, а активная ветвь Инквизиции получила новый глоток воздуха, обретя право проводить расследования по делам ереси и колдовства, отстраняя при этом государственный аппарат. В этом состоял новый принцип закона Великого Инквизитора Торкведоха.

Суду подлежали:

Виновные в ложных понятиях о святой церкви

Виновные в занятии чародейством и гаданием

Всякий отлученный и не искавший примирения

Укрыватели и заступники еретиков

Сопrotивлявшиеся постановлениям Инквизиции

Адвокаты, нотариусы и юристы, защищавшие еретиков

Всякий, отказавшийся от присяги, которую требовала Инквизиция

Инквизиция

Всякий, умерший в открытом и предполагаемом еретичестве

Всякий, прикосновенный к ереси словом, делом или сочинением.

Какие зверства они вытворяли, чтобы выскрести «правду», какие-то совершенно изошрённые стальные крюки и когти, проволоки, штыки – всего порядка 60 предметов. И поскольку каждый обвиняемый относился к какой-либо из 6 категорий к нему могли быть применимы только вещи разряда его категории.

При том каждая вещь или способ могли быть использованы только в течение 6 минут – хотя эту статью часто не обращали внимание, объясняя это тем, что что-то было применено неверно или не до конца. Среди палачей даже было негласное соревнование по мастерству владения различными инструментами и способности именно определённым предметом заставить «виновного» согласиться.

Кстати, именно на согласии и держалась по сути вся эта система. Ведь Церкви вовсе не нужно было кого-то убить, сделав тем самым из него, хоть и еретика, но мученика. Им важно было совсем наоборот, чтоб он жил. Разумеется, сначала признав свою вину и раскаявшись, но жил. Потому что эта жизнь потом была лишним свидетельством не только правоты Церкви, но и её вечности в жизни чумов.

Иерархическая система деления всей организации Церкви по системе 360-и градусов – по 60 на каждого жреца-митрополита. Здесь каждый старался преуспеть, но, как правило, наихудшие результаты получались у первого и шесто-

го. Их область включала в себя проверку на ересь среди служащих государственного аппарата. В чём заключалось «неудобство» положений: светская власть, армия и СЧК заботились о своих сотрудниках. На «колдовстве» там почти никого не ловили, а при ереси можно было отказаться от своих слов, ещё не доводя до пыток и в частых случаях, при посредничестве большого начальства не слишком сильно пострадать.

Сегодня на обсуждение поставили вопрос о качестве работы жрецов низшего ранга на территориях повышенной и критической опасностях.

Тему совещания огласил Угинох, отвечающий за сектор 180 (сектор «тяжкого труда», как его называли все, стоящие за спинами у жрецов и видящие цену Инквизиции; под его надзором все, чьё состояние оценивалось ниже нормы, а это больше двух третей всей Империи): «Верховный жрец-патриарх Неврох, прямой наследник Великого Инквизитора Торкведоха выразил свою обеспокоенность в делах Церкви на завоёванных территориях. Церковь ослабла в тех районах, и нет никаких признаков возможного роста её значения. Верховный жрец Неврох просит принять меры».

Большинство жрецов верило в необходимость существования Святой Инквизиции и считало её основной опорой обоснованного главенства Церкви. Постановка вопроса со стороны угрозы ослабления влияния давила на честолюбие не меньше, чем на принципы.

На самих завоёванных территориях находились в основном государственные служащие, так что в этом случае наибольшая нагрузка ложилась на Инквизицию госаппарата Широха (60-й градус) и Самоха (360-й градус).

«Я пытался отправить в Индийскую колонию шестерых инквизиторов. – заявил жрец-митрополит Катох (300-й градус). – Но броз разрешил только двоих. Как я могу уничтожать ересь, когда мне мешают даже местные власти?»

«Наша фаза работает на полную мощность, но большинство подозреваемых имеет связи наверху. Их берут под защиту, и мы не можем вершить над ними суд», – Широху нечего было больше сказать. Он знал, что в скором времени его заменит другой.

Тут началась словесная атака на всё, что только происходит и всех, кто только присутствует.

– Нам мешает СЧК. Мы требуем введения специального расследования. Проверки должны проводиться с большой интенсивностью и размахом.

– Я считаю, что уровень коррупции в их рядах достиг опасного уровня. Нам нужно действовать скрытно.

– Предлагаю использовать негласный ресурс.

– Поддерживаю.

– Я тоже.

– Поддерживаю.

– Использовать негласный ресурс – самое время.

– Итак, я передам Верховному жрецу предложение об ис-

пользовании негласного ресурса. – подытожил Угинох. – А Вам, жрец-митрополит Широх, я рекомендую лично выехать в беспокойные территории и проследить за ходом процесса Инквизиции. Уж Вам-то ни один местный чиновник не сможет отказать в визите.

Широх попытался понимающе кивнуть и даже что-то сказать в заключение, но на это у него не хватило сил. Единственное о чём он сейчас думал, так это над тем, что поможет сохранить ему своё место.

Широкий серый камень. Пыль и тусклый свет вокруг. И повороты, которые не кончаются.

Это путь к камерам Инквизиции, где ждут своего времени подозреваемые, осужденные и все, кто хоть как-то оказался связан с нарушением правил «Силан-Жах».

Томные бессмысленные шаги и такое же лицо. Это жрец-митрополит Гузох (120-й градус) из Священного Сейма. В его фазе Инквизиция занималась средним звеном Империи – рабочими в основном. Как ни странно, но еретиков и колдунов среди них в процентном соотношении было меньше всех. Это следствие выходило прежде всего из того, что особенности их труда не позволяли проводить «неделю покаяния».

«Неделя покаяния» – это срок, объявляемый после приезда инквизитора, на добровольное признание в ереси. Во время неё также приходили и доносчики, указывая на кон-

кретного чума. У доносчика имелось два варианта: покаяние и обвинение. Чаще выбирали первый, потому что в случае оправдания чума (а такое могло быть, если у него есть связи, в том числе и с церковью, например, если он сам ранее удачно доносил), расследования подвергался сам доносчик.

Гузох приблизился к камерам и мог теперь услышать стоны, издаваемые оттуда. Большое количество поворотов нужно было именно по этой причине – заглушить звук.

У входа стоял внушительного, даже для чума, вида охранник в чёрной мантии. В его глазах отсутствовало всё, что только можно назвать эмоцией, а уши совсем уже не различали болезненные вопли и звуки шагов – для него всё едино и отличается лишь громкостью. Он поклонился медленно и сухо.

За ним шли два ряда камер, где сидели долго и тяжело перед тем, что им предстояло пройти. А после этого располагалась сама камера пыток.

На вошедшего в то помещение никто не посмотрел – все трое: инквизитор, подозреваемый и нотариус жили в «своих» мирах.

Инквизитор, староватый чум Катанхр, не мог находиться в этом помещении уже давно. Эта едкая вонь вокруг, одни и те же вопросы, на которые не многие отвечали вообще и ещё меньше отвечали положительно. Но, хоть он и мечтал быть инквизитором «недели покаяния», эта работа казалась ему не менее важной.

Подозреваемый Тишинхр, рабочий оружейного завода, понимал, что чтобы он ни делал, жизнь, которая была у него до доноса, уже никогда не будет прежней. Ему было непонятно, почему чумам, таким же как он, позволено говорит, где правда, а где нет, почему они называют себя «святыми» и, почему надо с ними соглашаться. Он верил в «Жах», молился каждый день, прося сил у Чёрного Камня, и считал, что дело веры – это дело самого чума. Тишинхр знал. Что, если сознается, его оставят живым, но он не мог это сделать: его поймают во второй раз и результат будет таким же.

Нотариус Юнинхр, давно окончивший юридическую школу, целиком и полностью видел все расстановки. Если подозреваемый сознается, то самое малое, что ему грозит, это публичный позор с последующим «прощением». Так называемое в среде церковной бюрократии «прощение» заключалось в том, что в указанные дни, а таковых обычно насчитывалось около сотни в год, в течение от трёх до семи лет от чума требовалось посещать церковь и участвовать в особых процессиях, ища примирения с духовной властью.

А если не сознается, то его продолжат пытаться и завтра сожгут на костре.

Подозреваемого на метр подняли вверх, затем отпустили и поймали у самой земли. Верёвки, привязанные к его лапам, впились в кожу. Внутри всё перепрыгнуло. Сознание помутнело. И начало немного тошнить.

Гузох посмотрел вокруг: чернота и пустота, едкий запах

злости и страха, два факела, освещающие камеру так, что только несколько бликов отражались в глазах.

«И это мы, Инквизиция, – подумал Гузох. – Нас разве что только дьявол не боится...»

Префект

На шахте многое изменилось, в том числе и способ приёма пищи. За месяц построили столовую на 50 мест. Она действовала ещё только три дня, и не все успели привыкнуть; стол, скамейка, особое помещение – всё это выглядело не столько странно, сколько сомнительно.

Некрасова присела на своё обычное место, посередине зала у стенки, и уткнулась в тарелку, где в желтоватом бульоне плавали макароны и немного курицы.

К ней подседа Лена Багратионова. Она тоже было не в духе, но увидев, такую комбинацию напряжения мышц на лице Насти, подумала, что у него-то дела ещё хуже.

«Насть, что с тобой?» – Лена умела в нужные моменты правильно вести себя и подавать совершенно обычные вопросы подходящим тоном. Сейчас ей глупо было быть такой кислой как на самом деле.

«Да нет, ничего» – Настя слегка отвернулась, а заодно с этим растеряла все свои грустные мысли, осталось только настроение.

– Ну я же вижу. На тебе лица нет.

– Знаешь, на тебе тоже...

После этих слов Лена внутренне собралась окончательно и вывела этот результат на лицо – получилось очень даже неплохо.

– Не совсем так.

Настя посмотрела на неё, желая это проверить: живые глаза, добавляемые веснушками, рыжие волосы, завязанные в косичке – и правда, лицо есть.

– Ну хорошо. На тебе есть...

– Ну вот видишь!

– Да что я вижу?

– Что всё не так плохо, как кажется.

– Да. Всё ещё хуже.

– Да перестань ты в самом деле! Как будто от того, что ты будешь себя чем-то казнить, станет кому-то лучше.

Настя отвернулась: «Это я виновата».

– В чём?

– Они подрались из-за меня.

– Я знаю.

– Знаешь?

– Да. А что тут такого? Они подрались из-за тебя, но ты-то что могла сделать?

– Не знаю. Но раз они меня...

– Настя, то что они тебя любят оба, ещё не значит, что они тебя будут слушать...

– А вдруг?

– Ну какие тут могут быть «вдруг»? Разве ты им не говорила что...

– Говорила... Но они мне ведь правда не нравятся... Оба.

– Ну вот. Что ты им ещё сказала?

– Что... что бы они ни делали я не смогу полюбить ни одного из них. Я им это сказала каждому по отдельности.

– Ну так в чём ты себя винишь?

– Я не знаю...

Она и правда не знала, за что здесь можно себя винить. И Лена не знала, но чувствовала, что если бы сама оказалась, на её месте, то винила бы себя также. Это часть жизни. А в жизни далеко не всё поддаётся логике.

В дальнем углу сидел префект со своим заместителем. Оба надеялись на хорошее, но в данный момент могли только ждать, готовясь к плохому.

К их столу подошёл Костя Богатый, обеспокоенные и тревожный: «Гави, я...»

«Присаживайся», – прервал его Гора, не поднимая глаз.

Костя сел и сжал руки под столом: «Гави, я не знаю, как сказать. Это невозможно! Представить не могу из-за чего это... Я знал, что у них не всё в порядке в отношениях, но чтоб до такой степени...»

– Выходит, до такой.

– Гави, я не знаю...

– Ты так волнуешься из-за того, что сказал Столов?

– Да, Гави. Честно сказать, да.

– И не напрасно волнуешься.

«Да, не напрасно», – подумал Костя, глядя на его тяжёлые каменистые руки: «Я знаю, что у тебя погиб сын. Мне очень жаль, но здесь почти у всех кто-то погиб. И погиб и из детей

тоже... И у меня же тоже... У меня осталась только жена. Я не хочу...»

– Не сходи с ума. С твоей женой ничего не случится. Слушай... Я тебе сразу скажу. Я не хочу убивать этих двух дураков. Но я знаю, они подерутся снова, и мне придётся это сделать... Сила управлять другими не терпит исключений. Если они нарушат правило – они заплатят за это своими жизнями.

– Гави, они просто ещё молоды... не знают... Я говорил с ними... не понимаю, что у них такое.

– Они всё равно подерутся... – сказал Гора и подумал о том, о чём думал вчера ночью – Люди больше всего едины, когда защищают то, без чего им всем не выжить. Тогда они вместе. Тогда они могут только поддерживать друг друга.

Раздался грохот, и свет, носящийся в округе, замерцал и засуетился. И все понеслись в сектор добычи и забоя.

Потолки рядом с пластом удерживали где деревянные, а где стальные балки высотой в два с лишним метра. Одна из них рухнула, другая накренилась. Земля посыпалась всем на головы.

Сохраняя сдержанное крепкое лицо Гора вошёл в сектор. Уже четверо навалились на балку с одной стороны, трое с другой, и среди этих троих двое были теми самими недавно устроившими драку. Они стояли плечом к плечу, упираясь, что было сил. Кто-то подставлял рядом ещё одну. Часть держала ещё не свалившиеся, остальные смотрели за другим рядом опор. Две сомы скопились здесь полностью и две ча-

стично.

И свет мелькал, и земля сыпалась, но кричали, громогласно приказывая, только командиры. В этом и есть загадка стойкости шахтёров. Когда нет уверенности в возможности выжить, когда не хватает воздуха, и вокруг темно, срабатывает то, что сидит глубоко в душе у тех, кто «живёт» под землёй.

Срабатывает дисциплина. Все знают, что их командир опытен и мудр, что он прожил много лет, и всё ещё жив, а значит он чувствует землю Родную, с которой не расстанется. И, если хочешь выжить, то надо слушать его, чтобы ни случилось.

Срабатывает вера. В этом очень древний смысл, ведь «в окопах все верующие». Каждый верит, что всё получится, что удастся выстоять, а если и нет, то Слава Богу – отмучались и настало время отдохнуть в раю, покинув этот ад.

Срабатывает дух. Это сильный, вольный, шахтёрский дух. Он движет и руками и ногами, и глазам не даёт моргнуть от пыли. Он заедает в голове и говорит одно вседвижащее слово «Вперёд!».

Гора протиснулся между всеми и упёрся в самый центр балки. Надо было двинуть её вперёд почти на полметра, чтобы она, приняв вертикальное положение, встала на место.

В какой-то момент показалось, что всё рушится, что пора этой земле забрать полтысячи своих сыновей. Но нет – все как один, как единый порыв ветра, сносящий всё на своём

пути, как могучее море, захотевшее забрать себе островок вдали от большой суши, как долго спящий вулкан, извергающий лаву, как 8848 метровая гора, встающая на обе ноги. Это есть сила, и сама природа рада видеть своих детей, воодушевлённых ей.

Все двинулись вперёд, и двинулась балка, и улыбнулась природа, гордая за тех, кто не подводит её и выносит её испытания.

Рядом с Горой, запыхавшись, стоял Костя. От напряжения его лицо сильно перекосило, но сквозь прочее наружу выглядывало счастье. Голос тихий, но уверенный и довольный: «Теперь они не подерутся, дружище. Теперь они знают, что значит дружба».

И тут он вспомнил, что этой ночью Гора куда-то выходил из блока, а до этого приказал сменить посты на секторе добычи. Его не было несколько часов, и вернулся он каким-то запыхавшимся. А теперь его глаза выглядели какими-то особенными, словно никто не мог знать то, что сейчас знал он. Ни с чем нельзя спутать такой взгляд... Расчётливый, целеустремлённый, умный...

Гора слегка улыбнулся кончиками губы и, кивнув Косте головой, направился к выходу из сектора.

Маша

Прошло ещё полмесяца.

Сегодня Маша встала раньше деда с бабулей и присела на скамеечку у крыльца.

В округе всё зеленело, и Солнце вот-вот выглянуло. Подул лёгкий ветерок, и на мгновение показалось, что всё хорошо, и не о чем горевать, но так ладе не хотелось думать, потому что это не так.

Девушку опустила руку на живот, ощутив в нём то, что осталось от мужа. Она много раз думала, как назвать ребёнка, но к единому решению прийти не могли, ей хотелось, чтобы понравилось ему, Рафаилу.

«Если девочка, то Кристина. – подумала Маша. – Ему нравилось это имя. Но вот если мальчик... Он никогда не говорил мне, какие его любимые мужские имена. Вообще ничего не говорил, даже своём собственном. И что вот что с этим делать?»

Она закрыла глаза и вспомнила, как познакомилась с ним, как впервые увидела его взгляд, как вдохнула его запах. Тогда сердце билось как никогда раньше, а воздух казался не просто другим, а таким, какого ещё не было.

Вспомнила, как первый раз сказала ему «пока», улыбнулась и пошла к своей коме... Ощущение было таким, будто и Господь, и Богородица, и Иисус – все смотрят на неё, на её

реакцию и чувства. А она не хотела задумываться над этим, хотела только верить. Верить, что Это – любовь, та, которая будет с ней до конца дней.

И первый раз, когда они поцеловались. «Хорошо, что он не видел моё лицо», – подумала Маша, ведь она тогда чувствовала, что покраснела и, поэтому сразу прижалась к нему, близко-близко. И это тепло, которое ходило по кругу, гремело как родное. Тогда она поняла, что вот оно, её счастье, оно пришло не подин раз, чтобы остаться на всю жизнь.

Маша решила, так, чтоб навсегда, что никогда не расстанется с ним, никогда, чтобы ни случилось...

Сейчас она держала себя в руках как только могла. Собрала все силы и вдохнула воздух, затем выдохнула. Всё тяжёлое вырвалось наружу,, и только малая слезинка скатилась по щеке. Всего лишь одна.

«Доченька, я так ни посмотрю на тебя, всё у тебя одно выражение», – Мария Сергеевна тихонько закрыла входную дверь и снова посмотрела на девушку.

– Я скучаю

– Я тоже. По родным...

– Вы их потеряли? Да?

– Нет, Машенька, конечно, не потеряли. Они всегда с нами... Мы вот как раз сейчас с мужем к ним идём. Пойдёшь с нами?

«Пойду», – несколько робко ответила Маша, не поняв, что сейчас имелось в виду; «не потеряли», «к ним идти сейчас».

Такое впечатление, будто они идут в какое-то неизвестное место, где в особых условиях живут их родные.

Через пару минут из дома вышел Владимир Иванович со здоровенным зелёным рюкзаком, весившим, наверно, как он сам. Несмотря на это ему было вовсе не тяжело, и держался он так, словно с самого верху было указано, что в определённом возрасте ему суждено будет носить эту вещь.

Шли быстро, не глядя по сторонам. Спустя минут сорок домик с сараем и колодцем исчезли из виду, а зелёными лугами. Почти сразу возникла мысль спросить, а долго ли ещё. Но с какой стороны ни смотреть на этот вопрос, он казался неприличным.

Вот с краю показалась речка, у берега которой Маша плакала, и где её нашла Мария Сергеевна полтора месяца назад. Вода текла такая же чистая и ровная, как и в тот раз, и, ихоть сейчас и не было Луны, в ней отражался серо-мрачный свет.

Прошло ещё полчаса и это место скрылось за поворотом реки. Они следовали параллельно ей, но на таком расстоянии, чтобы течение звучало не слишком сильно.

Девушке опять стало не по себе: они идут и ни слова не говорят; может, оттого, что и говорить нечего сейчас?

Теперь дорога пошла вверх; склон настолько крутой, что, учитывая его высоту в метров семь-восемь, не видно ничего дальше. Лишь одинокая берёзка выглядывает ветвями – живыми бойкими ветвями, словно природа решила показать свою красоту именно здесь.

Поднявшись наверх, Маша увидела семь деревянных крестов. У каждого росли цветы ровным прямоугольником спереди от каждого креста. Кладбище.

Папа рассказывал о том, что это такое, что древние так хоронили своих – ставили крест, как символ веры. Только увидев это собственными глазами, она смогла понять, что это значит для тех, кто хоронил.

Владимир Иванович, положив рюкзак на землю, кивнул усопшим головой и начал вырывать сорняки, изредка растущие между уветов. Мария Сергеевна достала из рюкзака маленькую стальную лопатку и, присев у одной из могил, принялась перекапывать землю – в некоторых местах цветы росли неровно – не к небу, а чуть в сторону.

«Давайте помогу» – сказала Маша, видя как много вокруг работы.

«Не надо, доченька. Сядь лучше рядом. Отдохни. Поговорим о чём-нибудь», – бабуля говорила так, что казалось, будто все слова, перед тем, как выйти наружу приподнимали некий камень, застрявший в горле.

Смотря на их глаза, на то, с каким усердием, они делили всё это, Маша почувствовала, как им это дорого, что это их потребность – ухаживать за могилами ушедших родных; что без этого им будет сложнее жить.

– Вы часто приходите сюда?

– Два раза в месяц... Надо почистить всё, чтобы было красиво. Им нравится, когда красиво.

Маша давно хотела узнать, сколько им лет, сколько они живут вместе, тяжело ли им, но как это сделать? Это же не спросишь просто так.

– Вот наша дочь Лена на меня совсем не похожа, в смысле внутренне, внешне-то есть немного: губы и щёки, а ещё нос... а вот внутренне – нет. Вова хотел, чтобы именно дочь была такая, как он. Так и получилось... А сыновья, наоборот, в меня оба. Интересно, правда?

«Правда», кивнула девушка.

– Вот... У нас трое детей... Все уже там... Им хорошо...

– Ваши дети уже умерли?

– Да... Ну вот могила Лены, вон там – Гави. И там – Коли.

Маша не сразу пришла в себя: вот это люди – сколько же они живут уже здесь?! Это просто невероятно.

– Пойди, доченька, посмотри, как там Владимир Иванович.

Маша еле поднялась на ноги, обошла ряд крестов и приблизилась к дедуле: «Вам помочь, Владимир Иванович?»

– Да нет, не надо. Спасибо, доченька. Ты лучше посиди рядом, поговорим о чём-нибудь.

Они как по нотам вместе живут, даже отвечают одинаково.

Теперь Владимир Иванович, вытащив из рюкзака кожаный бурдюк, стал поливать крест, протирая губкой; сорняки вокруг все уже повыдергивал – видимо, их было не так много.

«Вот это – Василий Иванович. Мой прадед, металлург... Я родился, когда его уже не было вживых. Никогда его не видел, а таким уважением проникся», – улыбнулся дедуля.

– Вы, наверно, очень давно сюда ходите?

– Да, давно... Сначала я ходил с отцом, а потом познакомился с Машей. Здесь тогда лежали только мои предки, но она категорично сказала «пойду», что я и не подумал её разубеждать. Как будто знала, что это с какого-то момента станет обязательным... Потом мы женились, у нас появились дети... И мы целой семьёй стали сюда ходить... Ну вот прошло много лет, и мы стали ходить уже лишь вдвоём, с женой... А ты посещаешь кого-нибудь?

Маша отрицательно покачала головой: «Я не знаю, куда ходить... У нас просто закапывали в землю и крестов не ставили... Мы по-другому жили...»

– По-другому?... А любовь у вас была?

– Была. И сейчас есть. Я вот только не знаю... правильная ли она.

«Ну любовь – это... ну вот, как у Бунина. Если любишь женщину, то любишь её со всем: и со слезами, и с истериками... Любовь – это, когда целый день думаешь о ней, думаешь ночью, это постоянно мешает спать, но ты не против этого. Тебе всё равно хочется думать так и всю ночь, и ещё утро... А потом, на следующий день, радоваться и быть счастливым, если она только посмотрит на тебя... А уж если улыбнётся! Ну это. – Владимир Иванович сделал такое во-

ображающее всеобъемлющее лицо, которое показывало просто неопишумость ощущения. – Впрочем, это моя любовь, А твоя, скорее, больше похожа на ту, как у Марии Сергеевны».

И Маша пошла обратно.

«Ну как там Владимир Иванович?» – спросила Мария Сергеевна.

– Он рассказал мне, что значит любовь. Для него.

– Ааа. Про Бунина сказал, да? Любишь со всем: и со слезами, и с истериками?

– Да, так и сказал.

– У Бунина на самом деле немного подлиннее. И со слезами, и с истериками, и с ляжками... Но он всегда выкидывал последнюю часть. Я ведь всегда стройняшка была.

Маша улыбнулась тому, как эти люди открыто ведут себя с ней: Мария Сергеевна сказала, что выкидывает эту часть, потому что она стройная, значит «слёзы» и «истерики» всё-таки были и не один раз. Ну а как без этого? Тоже составляющая любви, лишь бы за границы не выходило – истерики истериками, а в результате всё равно поцеловать надо.

– А Вы как считаете? Что такое любовь?

– Когда я впервые увидела его, не сразу поняла, что он тот, с кем мне суждено жить всю жизнь... Да, симпатии... но ничего особенного... Прошёл день, может, чуть больше, и раз тебе! Я с ума схожу от него. Даже не знаю, что такое, но я всё время думаю о нём. Я вообще и не могу представить себя без него... Я не знаю, как это объяснить, но вот

был какой-то момент, когда я стала другой... Вот как амур стрелой пронзает, и никуда не денешься – так словно *должно быть*... И, знаешь, так до сих пор. Я люблю его, как тогда. Каждый раз, когда мы расстаёмся хоть на пару минут, я начинаю скучать... и дожидаться не могу того самого момента, когда снова его увижу... обниму, поцелую... и когда такой момент настаёт – я слышу, что он где-то рядом, открывает дверь или скрипит пол от его шагов, я просто не смогу поверить своему счастью. Мне становится так легко... Я никогда не задумывалась, та ли это любовь, которую так многим женщинам хочется испытывать, но я без своего мужа не могу.

Как же близки были эти слова! Как близки...

Маша задумалась о том, на какую же любовь больше похожа её любовь: на ту, когда целый день думаешь о любимом или на ту, которая заставляет волноваться при разлуке и осчастливливает при встрече? Весьма сложный и неоднозначный вопрос. И ответ получается такой же: с одной стороны и то, и другое – всё ведь так, как они рассказали, с другой стороны – и ни так, ни по-другому – всё по-своему, то есть чувствуется *своей* душой, а она же не такая, как у них: души все разные.

Но всё равно... Какая бы ни была любовь: любимый дорог. Это «в целом» Машу страивало, и она задумалась ещё глубже. Но сколько мыслей ни приходило, сколько сторон ни рассматривалось, с места сдвинуться так и не удалось – только чувство времени пропало.

«Машенька, пойдём, доченька», – подойдя к девушке, сказала бабуля. Полдень уже прошёл – сейчас примерно полпервого.

Маша перекрестилась три раза, тремя перстами. Она никогда не задумывалась о смысле «троеперстия», то, как это прижиивалось, и зачем вообще это было нужно – просто делала, как учили: так привыкла.

При уходе место казалось совершенно не таким, как вначале: теперь, кроме красоты и живой природы, оно было ухожено. Теперь усопшим лучше.

Обратно шли очень медленно и много говорили. Вспоминали прошлое и, особенно, смешные случаи – это помогало самим себе: вспоминалось то, какие хорошие люди их родные.

В этот раз к речке шли намного ближе, почти возле самого берега, так что вода иногда брызгала на одежду. Вокруг журчало, а шли всё медленнее, останавливаясь каждые пятьдесят метров и разглядывая пригорки, на которых интересно росли деревья, рыбок, иногда выпригиивающих на несколько сантиметров из воды, камушки, отражающие сквозь водную поверхность чудесные многокилометровые узоры. Всё это появилось только сейчас.

Домой добрались к позднему вечеру, к заходу Солнца, к тому времени, когда пора ложиться спать.

Маша быстро заснула, и снился ей страшный удивительный сон, который раньше появлялся только частями, но в

этот раз – с самого начала.

Она в красных шёлковых одеждах стоит внутри золотой клетки. Перед ней двое о чём-т спорят. А вокруг бескрайние поля и две громадные армии друг против друга, одни светлых доспехах, другие – в тёмных, и они настолько громадные, что всё кругом устлано их воинами, и нельзя понять, какая из них больше.

Те двое, что спорили друг с другом, не лидеры этих армий, но в высоких чинах, говорили на неизвестных языках, и такое впечатление, что каждый на своём, но оба понимали друг друга.

А Маша различает только одно слово, частно повторяемое ими – её собственно имя.

И вот они заканчивают спорить, останавливаются на мгновение и одновременно объявляют своим армиям.

Тёмный: «Партуху».

Светлый: «Портуди».

Маша очнулась в холодном поту и вся в слезах.

Этот мрачный мертвый свет, который гоняется по комнате.

Она сползла, почти свалилась с кровати и прижалась к краю: «Это невозможно терпеть! Они мою голову там разыгрывают!» Всё ходуном ходило внутри неё, и страх кругом: где чум, где все эти воины, где ужас, и всё это здесь!

– Господи, я не могу. Я не могу без него. Господи, прости меня. За что мне это? Что я сделала, что мне надо так жить?

Почему ты не забрал меня вместе с ним?... Что я сделала не так?

Маша плакала, прячась в тени у кровати, и не хотел ни на что смотреть. Невыносимо на что-либо смотреть – настолько плохо, что тошнит. Стало не хватать воздуха, и дыхание участилось само собой.

Она открыла покрасневшие глаза и, поглядывая по стенам, через размеренное тяжёлое дыхание начала понемногу успокаиваться. С каждым вздохом, хоть и не становилось легче, но, по крайней мере, не становилось тяжелее.

Свыкнувшись с тяжестью, Маша приподнялась на колени, положила руки на кровать и, глядя на далёкую Луну, начала молиться.

Дыхание тихо и широко хватало воздух, но немного запыhalось – долго плакала.

– Любимый, я так соскучилась по тебе, а ты молчишь. Мне каждый день снятся кошмары, а тебя нет. Мне так тяжело...

«Машенька, любимая моя, – голос мужа, и запах его здесь, и сквозь свет видны его глаза. – Разве я оставлял тебя когда-нибудь?»

– Пожалуйста, не уходи. Побудь со мной хоть ещё чуть-чуть.

– Я здесь. Я с тобой. Я всегда с тобой... Как наш ребёнок?

– Я чувствую, он растёт. Он будет здоровый и сильный...

Но мне тяжело, так тяжело без тебя. Почему Господь забрал тебя у меня?

– Это твоя судьба, Маша. Твоя судьба. И тебе надо это пережить. Прости меня, любимая, что всё так. Я виноват. Я не мог...

– Пожалуйста, перестань. Перестань винить себя. Тем более в том, что от тебя не зависит. Я знаю, что Господь хочет от меня. Я сделаю всё, если только ты будешь рядом, если только ты скажешь...

– Я люблю тебя, Машенька. Я с тобой.

– Я люблю тебя, милый.

Так до утра сидела Маша, на коленках у кровати, ни о чём не думала и собиралась в себе. Она чувствовала мужа рядом, а он был с ней, вдыхал в неё тепло и держал за руку.

Болотников

16 мая. Группа Хмельницкого покинул Кременчуг и двинулась в направлении Полтавы – по плану дойти до Бушенки и, повернув на север, добраться до Решетилówki.

Прикрывать отход осталась 3-я рота Болотникова, состоящая из трёх взводов: 25-й Живенко, 37-й Космогорова и 11-й Раньерова, 2-е санитарное отделение доктора Шварценберга, а также трое из Спецназа: Долгатов, Мокрый и Северский – всего 133 человека.

Ранее-ранее утро: в глазах ещё слипается. Болотников сидел в подвале командного пункта – после отъезда основных сил его подразделение перебралось именно сюда, в крайнюю часть города, откуда на север вела дорога к Полтаве.

Вокруг, главным образом, сыро, но здесь так было и раньше: после ухода Виктора со стены убрали его знамя – сокол, стремительно атакующий добычу; голова обращена вниз, крылья и хвост вверх, древний символ Рюриковичей, а также здоровенную стальную булаву – древний символ власти. Славяне ценят свои традиции, а, когда дело доходит до критической, а то и вовсе катастрофической ситуации, всё, что имеет сколь-нибудь весомую ценность, оказывается под особым присмотром и уж тем более – исторические знаки и символы.

В итоге остались стул, стол, экстра-лампа (пожалуй, самое

достойное, после лекарства от рака, изобретение древних – потрясти минуту, и горит почти час) и самый важный предмет – карта. Достаточно крупного масштаба она изображала весь город, включая наиболее существенные места: окопы, минные заграждения и указанные по номерам дома с их назначением. В нынешний участок обороны входило 16 домов плюс четыре дозорных дома вне его.

Помимо всего прочего, на столе лежало, только что вынутое Болотниковым из кармана письмо, которое надлежало открыть через 15 минут после выхода из города основных сил. Письмо вручил Зубрилов. Прошло почти полчаса, а оно всё было запечатано: Серёга чувствовал нечто чересчур неприятное в его содержании и хотел полностью отойти от сна перед его прочтением. Времени прошло не мало, а бодрость всё не приходила.

«Я и без того нарушаю приказ... Может, там вообще сказано, что нас тут уже не должно быть» – подумал майор и вскрыл конверт.

«Майору Болотникову
Лично и строго секретно.
Сжечь после прочтения.

Майор, на Вашу долю выпала непростая задача. Я не зря выбрал именно Вас в текущей обстановке, положившись на Ваш опыт и крепкость духа.

Сообщаю Вам, как солдату, преданному идее человеческой свободы, что в расположении нашей группы действу-

ет вражеский шпион, при том, возможно не один. В составе Вашего подразделения в данный момент его быть не может. Успел ли он сообщить наши координаты врагу, точно неизвестно.

В Вашу задачу входит удерживать позицию до 7-30, то есть час тридцать минут после нашего отхода, и отступить затем по ранее утверждённому плану.

Приказываю действовать предельно точно предыдущим указанием. Если врагу удастся выбить Вас с этой позиции и начать преследование, то под угрозу попадёт вся группа.

Я давно Вас знаю и уверен, что Вы не точно по инструкции вскрыли конверт. Не вините себя. Я учёл Ваше положение и в соответствии в этом указал время.

Итак, с этого момента Вам осталось продержаться 1 час, майор.

Лично желаю удачи и надеюсь на Вашу волю к Свободе. Ваше дело большого стоит на пути к Победе.

Виктор Хмельницкий.»

Болотников смял бумагу в комочек, достал спички и выполнил первый приказ.

В это время у 5-о, разрушенного дома, рядом с дорогой стоял Миша вместе с Рожковым и ещё двумя своими подчинёнными, на противоположной стороне, у 13-о дома – трое спецназовцев; в середине развилки находился Мецов. Он шёл к командиру стремительным шагом от самого медпункта – Раньерову в ведение отдали северо-восточную

часть обороны, то есть с 11-о дома по 16-й, очевидно, какой-то конфликт с саноотделением. У Раньерова такой язык: кого угодно запачкать не стыдно.

Увидев выражение лица Кости, Миша сам расстроился: Ну что такое? Хоть на них бы не...»

Всё прервалось в эту секунду: гроыхнуло посреди всего так, что в ушах зазвенело – из самого центра дороги, почти там, где только что прошёл Мецов, земля рванула в воздух с такой силой, как рванула бы вода из прорванной трубы.

Костю снесло с ног на глазах у всех. Спецназ тут же помчался к 3-у дому.

«На позиции! Быстро! Рожков за мной!», – крикнул Миша и подбежал к лежавшему. Рядом образовалась 20-сантиметровая в глубину воронка с торчащим из середины отломленным хвостом снаряда – Костя задет не сильно и в контузии.

Всё плывёт, ничего не слышно. Непонятно, что вокруг, и двигаться нет сил – всё другое. Раненного потащили к дому медпомощи, и сразу рвануло в десятках метров к северу, опять по дороге. Потом взорвалось ещё где-то, и стало тихо: ни выстрелов, ни топота, ни криков.

Наташа! Как вовремя! Она подхватила Костю и утвердительно кивнула головой: Живенко командир взвода, и ему надо руководить *своим* участком.

«Помоги ей и сразу обратно», – сказал Миша и побежал к своему рубежу обороны.

*** 06:31

В подвале из четырёх раций лишь одна не вещала фразу «У нас всё тихо». Три соединялись с взводами и одна с санчастью. С момента обстрела проползло полминуты.

«У нас трое раненых», – доложил Шварценберг.

Отвечать кроме «Принято» ему было нечего: что можно посоветовать доктору, если сам им не являешься?

В данной ситуации Болотникова больше все интересовали дозоры: их было три, и никто из них ничего не докладывал. На самом деле из них остался только один – остальные чумы «накрыли», используя наводку своего агента.

«Снегирь (Болотников), я Синица (Живенко). Четвёртый куст (дом) на 7 часов. Взвод 170», – говорил голос из рации.

Идут прям на минные пол. Но это пробная атака, их там явно больше. Лучше побольше их заманить на это направление. Информатор, конечно, не знал, где именно расположен командный пункт, но мог догадываться, да и выбор, вообще говоря, не велик... Стоп! Информатор не знал, где их штаб, но знал, где... Господи!

Болотников схватил аппарат связи: «Синица, я Снегирь. Подпустить их на 100 метров и имитировать контратаку. Затем отойти на 7-10 метров глубже прежних позиций». Не выслушав ответ, зажал в руке другую рацию: «Сокол (Шварценберг), я Снегирь. 333 (передислоцироваться) в 3-й дом. Немедленно. Выполнять!»

Чумы, очевидно, знали, где санотделение. Они проведут

несколько атак, дождутся, пока там скопится приличное количество народу и камня на камне не оставят от этого дома. На эти «грабли» Болотников уже наступил однажды, тогда высмотрели передвижение санчастей и в щепки разнесли позицию: погибло 48 человек. Эта цифра сейчас интересным образом мелькнула в его сознании. О чём она говорила больше всего, майор пока не понял.

*** 06:35

Двадцать секунд, и зазвучали выстрелы.

*** 06:37

Две минуты, и по потолку затопали сапоги: здесь пол скрипит не зря – не чинили лет 150.

Это несут раненых. Командный пункт отгорожен от прямых ударов с юга рядом разваленных домов – лишь еле держащаяся на крыше кирпичная труба выглядывает из заграждения.

*** 06:40

Прогремел ряд взрывов с последующей стрельбой.

– Снегирь, я Синица. Клыки залетели на одуванчики (минное поле). Отступают.

– Потери?

– Наши – один убит, двое ранено. Тяжело и не очень. Их: 20-30 чумов.

– Не преследовать. Выдвинуться на исходные позиции. У вас есть семь минут, чтобы одуванить наиболее открытые участки и особенно юго-восточную часть. Потери в третий

дом.

– Есть, Снегирь.

– Конец связи.

Рядом с Болотниковым стояли трое спецназовцев, дожидаящиеся своего часа.

«Для вас работа нашлась», – возвестил майор.

Те и глазом не моргнули: что ж делать, если у них такая установка – быть наготове.

«Через 15 минут, от силы 20 чумы атакуют с юга. Крупными силами. Ваша задача: сорвать атаку их левого фланга. 20 метров, не меньше по линии фронта должны быть сбиты с толку... Их левый фланг будет где-то здесь, возможно, глубже. – Болотников указал точку на карте и соответствующий ей квадрат. – Удачи вам, ребята».

Их мрачные и неподвижные физиономии одновременно кивнули. Салютнули воинским приветствием резко и ровно. Всё, связка уже в пути.

*** 06:44

– Снегирь, я Аист (Космогоров). 10-й куст. 10 часов. Взвод. 210.

– Подпустить на 150 метров. Отвечать одиночными. Задействовать все возможности 10-о куста.

– Понял, Снегирь.

– Конец связи.

Хотят развернуть нашу оборону и вдарить с юга. 10-й дом хорошо укреплен. Они подумают, что там мы лучше всего

готовы, а с юга заминировали подходы, полагаясь на «искусственную» стену разрешенных домов. Возможно, сейчас ещё где-нибудь покажутся.

Предположение не заставило себя долго ждать.

*** 06:50

– Снегирь, я Аист. 8-й куст. 8 часов. Чуть меньше взвода. 170.

– Открыть огонь. Возможности 6-о куста использовать на треть. Не подпускать ближе, чем на 60 метров.

Ещё одна ложная атака, но ближе к намеченному. Укреплённую позицию показывать нельзя, а не то фланг усилят.

*** 06:55

Степь с небольшим склоном. Снега нет; трава слегка выступает наружу – весна. Тёплый ветерок дует со стороны: любимо и приятно.

Северный, как всегда, полз первым: на этом поле это нужно особенно, ведь оно минное, как у нас говорят, с одуванчиками – взорвётся один такой, и полетят его семечки во все стороны, чтоб ещё кого наградить.

Тактика и эффективность работы связи главным образом зависит от слаженности и продуманности взаимодействия. Чувствовать не только свои движения, но и того, кто рядом.

Вдалеке показались чумы. Тьма.

Когда смотришь такое количество врага, начинаешь слабо понимать, что вообще происходит. И не в состоянии даже подумать, что можно победить их...

До них чуть больше двухсот метров: заметят – не промахнуться. С такого расстояния все видны, кто «нужен». Среди них и израненные, и кровожадные, и даже ещё не побывавшие в бою, и один особенный. Этот особенный выделялся больше не своей формой одежды: тёмно-фиолетовые краски и сочетание врезанных клыков на плаще, а, скорее, манерой ходить среди других.

Он ступал так, будто его следы потом станут изучать, проходил мимо других, словно они поклонялись ему. А эта манера держать голову... такой под ноги не смотрит.

Остановился этот чум почти с самого края от того, что «предполагало идти вперёд». В том месте солдаты сконцентрировались особенным, боевым порядком: «разбитой цепью».

Немногие дальше от передовых линий выглядывали мимолёты: их всего четыре, но то ведь только пока.

Имперская армия отличалась одним очень заметным фактом: они никогда не использовали для выполнения задачи чётко отведённое количество подразделений. Перебрасывали сначала одно, потом другое, наращивая давление в ключевых местах. Предел не выводился, и иногда получалось так, что операция уже завершена, а пополнения всё поступают. Чумы выделяли фактор психологического давления, как основополагающий элемент своей боевой тактики. В некотором роде такая методика работала: «обороняйтесь, сколько хотите, но всё равно проиграете». Ведь они не остановятся –

будут атаковать. Причём атаковать, подавляя позиции, а не просто занимая их. Подавить, уничтожить. И занять руины. Это любимая боевая тактика имперской армии.

Спецназ на такие вещи не отзывался: «мы воины, и для нас высшая честь – выполнить задача, а если она понадобится, то и сделать это ценой своей жизни, и погибнуть воинами». И сейчас они делали то, в чём видели смысл своего пребывания здесь.

Сбить с толку противника можно при помощи последовательности точно организованных действий. Первым, кто может встретить врага, в наилучшем варианте – это спецназ, и момент этот – то мгновение, когда передовой офицер получил приказ свыше о начале наступления и прямо сейчас собирается сообщить это своим подчинённым. Мгновение, когда офицер взмахнул рукой, но не успел командовать. Мгновение между его первым шагом и вторым. Если в это самое «мгновение» офицера устранить, образуется стремительный рывок вперёд и последующее желание остановиться. Бежать-то некуда. Некому сказать куда. И все начинают метаться в разные стороны, от неизвестности. И ничего непонятно... Солдаты забывают о том, кто они в этом конкретном месте, где ничего непонятно. Это и есть результат.

*** 07:04

Тёмный потолок и тёмные стены. Это подвал. Это Командный Пункт.

С улицы раздалось несколько взрывов: сколько, не понять – слились в один, но не больше пяти. Ещё семь секунд, и новая очередь. Ещё семь, и ещё взрыв. Затихло.

Болотникова обрадовало это: средняя и тяжёлая артиллерия ещё не подошла, а значит держаться можно крепко.

– Снегирь, я Синица. 4-й куст. 6 часов. Батальон. 250.

Как хорошо это звучит «6 часов». Их левый фланг чуть отстал и ослаблен. Спецназ сработал отлично.

– Синица, не открывать интенсивного огня до приближения их на 100 метров. Сконцентрировать основные силы у 6-о куста. Доложить мне обстановку по достижении противников указанно дистанции.

– Есть, Снегирь.

– Конец связи.

*** 07:09

– Аист, это Снегирь. Приём.

– Слушаю вас, Снегирь.

– Подвезли пищали (миномёты) к северной части 7-о куста и приготовились вести огонь по квадрату ДТ-18.

– Вас понял, Снегирь.

– Конец связи.

Ротные миномёты наряду с фауст-патронами – резервное вооружение повстанцев этим утром.

*** 07:12

– Снегирь, это Синица. Противник подошёл на дистанцию в 100 метров. Левый фланг ослаблен и не сложен.

А он молодец, много соображает.

– Через 5 секунд после конца связи открыть огонь всем. Полностью использовать возможности 6-о куста. Конец связи... Аист, это Снегирь. Задействовать пищали по квадрату. Сделать 3 залпа.

– Есть, Снегирь.

После столько внезапного обстрела фланга чумы должны остановиться. Перед этим они налетели на мины, так что дух у них уже не очень.

*** 07:19

– Синица, это Снегирь. Доложить обстановку.

– Враг остановил наступление. Похоже меняют направление на 2-й куст.

– Сколько их?

– Полбатальона. Не меньше. Рассредоточенность слабая.

– Имитировать атаку от 6-о куста на 4 часа. В это время две трети состава подразделения 6-о куста перебросить за 4-й ко 2-у кусту. Доложить об их прибытии.

– Есть, Снегирь.

– Конец связи.

Запутаем чумов. Пусть думают, что мы обманывали их, чтоб ударить с запада. Теперь они укрепятся с запада и атакуют на востоке.

Хотя, если у них сейчас найдётся ещё один батальон, то можно будет играть по любым нотам, но оборона прорвётся. Не развалится, но прорвётся. А с «прорванной» обороной

выдержать более 10 минут нам не удастся.

*** 07:22

– Снегирь, я Синица. Переброску закончили.

– Выдвинуться на первоначальные позиции и занять оборону. Только переброшенным. Остальным оставаться на местах.

– Есть, Снегирь.

– Конец связи.

По всем правилам мы должны были атаковать именно с запада, с фланга. Атака с фланга иногда бывает лучше даже атаки с тыла.

И та, и другая рассчитана на внезапность. Но тыловой атаке нужна объёмность в охвате, по все тылу противника. А фланговой атаке – стремительность, чтобы снести всех со стороны, как траву серпом.

Чумы это знают, и именно поэтому так нельзя действовать.

Мы будем там, куда они подойдут. Мы атакуем здесь их. Это будет контратака. Для неё по теории нужно численное превосходство минимум в 2 раза. Мы уступаем им в 3. Но они не ждут нас там, и в этом шанс.

Это 13-й пункт главы «Полнота и Пустота» в книге Сунь-Цзы «Искусство войны»: Форма у войска подобна воде – избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска – избегать полноты и ударять по пустоте. Вода устанавливает своё течение в зависимости от места; войско устанавливает свою по-

беду в зависимости от противника».

«Полнота» в данном пункте – концентрация сил противника. «Пустота» – брешь в организации действий.

Контратака с восточного фланга чумов не является ударом по концентрации, это по удар по бреши. Брешь – не отсутствие войск противника на каком-либо его участке, а слабость этого участка (нередко выражается в отсутствии войск). В этом заключается умение видеть сильные и слабые стороны противника.

*** 07:25

– Снегирь, это Сеница. Противник остановил движение на востоке.

– Контратаковать на 8 часов от 2-о куста. 6-м кустом действовать только на 6 часов и западнее.

– Есть, Снегирь.

– Конец связи... Аист, это Снегирь. Приём.

– Аист на связи.

– Продолжить обстрел по ранее указанному квадрату.

Дать 2 залпа.

– Есть, Снегирь.

– Конец, связи.

*** 07:31

– Снегирь, Снегирь, это Сеница. 7 часов. Три танка. 230.

– Тип танков. Снабжение.

– Пока не видно. КАЗов вообще нет.

– Узнать срочно.

*** 07:27

Грохнул залп. Настолько громкий, что даже в подвале посыпалась пыль с потолка.

– Синица, это Снегирь. Доложить обстановку.

Молчание и продолжительное шипение рации.

– Синица, это Снегирь. Приём.

– Это Синица. КАЗ только на одном. Т-95.

– Использовать ПТУРЫ. По Т-95 не дальше, чем с 40 метров.

– Есть, Снегирь.

– Конец связи.

Живенко чувствовался слегка потерянным: то ли оглушённым залпом, то ли испугавшимся. Голос с трудом отвечал «да» на отданный приказ.

Хотелось пожелать ему удачи, но это, скорее, больше сожмёт его с толку. Он подумает, что майор тоже зацеплен мыслью о таком танке. Т-95. Откуда он взялся? Их всего-от было штук 50... В человеческую войну большинство из них уничтожили (как и всего другого). Что же тогда осталось чумам? Два-три танка? И именно один из них здесь!

Минное полу он, конечно, пройдёт. Он был создан, чтобы такие препятствия не мешали ему тогда, а уж про то, как он пройдёт такое сейчас и говорить не приходится – у нас, что есть, то и используем.

А дальше... От минной полосы до наших позиций метров 100. Пока он не подойдёт до 40 метров, стрелять по нему

бесполезно, хотя и потом нет гарантии, что КАЗ не успеет уничтожить ракету... А если он вообще не дойдёт до 40 метров? Встанет на 50 и начнёт расстреливать. Там же внутри него тоже не дураки сидят. Дураков бы в него и не посадили. И они тоже хотят жить. И тоже учились тому, как их могут уничтожить.

А у нас ведь ещё есть на линии соприкосновения остаток батальона. Как он станет действовать теперь?

– Аист, это Снегирь. Приём.

– Аист на связи.

– Обстрелять ранее указанный квадрат. Дать 3 залпа.

– Есть, Снегирь.

– Конец связи.

Тут заговорила ранее молчащая рация.

– Аллё. Аллё. Снегирь. Это Жаворонок (Раньеров). Наша помощь требуется?

Во вольный казак! Как будто может и не участвовать?! Как будто может уйти?! Или ему скучно?

– Тебя атакуют?

– Нет.

– Ты видишь противника?

– Нет.

– Так о чём ты докладываешь?!

– Я хотел спросить...

– Ты пьяный там?! Какого чёрта выходишь на связь не по делу? Работу себе не нашёл?

– Нет. Я хотел помочь.

– Жди приказа и докладывай об изменениях. Выполнять!

– Есть, Снегирь. Конец связи.

Во даёт! Еще и связь первым закончил. Вот выберемся оттуда, и сразу выговор получит. И надо бы к чертям лишить его командование взводом. Слишком жирно для него...

*** 07:34

Это уже не подвал майора. А поле противостояния. Т-95 остановился в 57 метрах от линии обороны. Два других подбиты, но он остался.

Выстрел в 7 секунд. Потом снова. И снова. Батальон чумов разбит. Но укрепления сносятся с каждым интервалом в 7 секунд всё больше и больше. Время идёт интервалами, а не секундами.

Кто-то не удержался и выпустил ракету – не долетела. Нельзя подбить. Отчаяние.

Поле. Танк. Спецназовец в пяти метрах. Рука и связка гранат.

Бросок!.. И танка нет.

Спецназовца тоже.

*** 07:42

– Снегирь, Снегирь! Приём. Это Синица.

– Снегирь на связи.

– Снегирь, клыки уничтожены! Квадрат чист!

– А танк?

– Танк тоже. Снегирь, квадрат чист!

– 300-х в 3-й куст. Конец связи... Аист, это Снегирь, приём.

– Аист на связи.

– Прекратить обстрел из пушек.

– Есть, прекратить обстрел.

– Конец связи.

Болотников так хотел спросить о способе подбития танка: мало ли, что это могло бы значить, но Живенко настолько эмоционально возбуждён, что вразумительного ответа в ближайшее время и быть не могло.

Сейчас важнее было другое: насколько сохранены укрепления. А в этом можно убедиться только самому.

Поднявшись из подземелья майор тут же наступил на чей-то сапог. Очевидно, пока раненного несли по комнате, сапог слетел с ноги. Он не было окровавлен, зато был порван полями аж в двух местах.

Вокруг никто не стонал и почти никто не издавал вообще никаких звуков. И это из двадцати-то двух человек. Убитых четверо, скорее всего, это из первой атаки. Санитаров шестеро, в добавок к ним Шварценберг. Хотя правильнее говорить, это они в добавок к нему. Хмуроватый такой начальник, но только не во время операции. Тогда он уже отец родной – к каждому с душой и с тёплым словом: при таком даже слабый не закричит от боли. Искусством лечения собственным разумом доктор Фердинанд Шварценберг владел не первый десяток лет, система простая: меньше кричишь,

больше думаешь о хорошем и чём-то далёком от сюда. Да, именно о далёком. В таких моментах только самое далёкое от тебя приходит в голову. Что-то хорошее и далёкое. Чего ты, может быть, уже никогда и не увидишь в жизни, но хотел бы. А самосознание собственной возможной радости – лучшее лекарство от уныния.

Выйдя на улицу, Болотников завернул за угол. За ним – его помощник, капитан Злыденко, с рюкзаком и наложенными в него пятаю, включая запасную, рациями.

Увидев позиции, майор одобрительно кивнул головой: что ещё можно было ожидать после такого боя? Рубежа обороны просто нет: четыре разваленных дома, сгоревшая маскировка, пулемётные гнёзда, почерневшие от дыма и простреленные насквозь так, что через дырки свободно пролезет нога в сапоге. Единственное оставшееся – это окопы. Но даже, если бы и хватало людей, то следующую атаку всё равно не выдержать.

Болотников вынул рацию: «Сокол, я Снегирь. Приём»

– Сокол на связи.

– Всех раненных в 11-й куст.

«Есть, Снегирь», – Шварценберг не стал спрашивать, что делать с убитыми, ему не впервой, уже знает, что значит окружение – спасти раненных уже подвиг.

– Конец связи... Аист, это Снегирь. Приём.

– Аист на связи.

– Сменить часового (позиции). Теперь ваш 10-й и 11-й

кусты. Пищали к углам (редутам) и развернуть на 6 часов.

– Есть, Снегирь.

– Конец связи. Жаворонок, это Снегирь, приём.

– Жаворонок на связи.

– Сменить «часового». Теперь ваш 14-й и 13-й кусты. Сидим (при помощи радиовзрывателя) одуванить 16-й куст. Всем, что есть, кроме бумаги (дымовых зарядов) одуванить.

– Есть, Снегирь.

Майор приостановился, дожидаясь повторной ошибки своего подчинённого, но ничего подобного: «Конец связи, Жаворонок».

В этот момент рядом стоял Живенко. Лицо замучено, а глаза радостны и горестны одновременно. Ровно стоять не мог – не тот дух сейчас. Сейчас только после боя – выправка ни к чему.

– Миш, думать можешь?

– Так точно, товарищ командир.

– Приказ сменить «часового». Ваш 20-й куст. Здесь одуванить всем, чем осталось, но только на разрушенных домах. Не рядом с ними, а именно на них.

– Есть, товарищ командир.

– И помогите Шварценбергу перенести раненых в 11-й дом.

– Есть. Разрешите выполнять?

– Подожди, Миш. Сколько потеряли?

– Половина 7-о и всё 21-е отделение.

Вот теперь понятно, почему на ряду с радостью у него мерцает горечь. 21-е отделение отличается от всех остальных...

– Разрешите выполнять, товарищ командир?

– Да. Да, дружище, с Богом.

Слева медленно подошли двое спецназовцев, держа на плечах третьего, Мокрого.

«Мы чуть не успели». – немного хрипя, сказал Северский. – «Он танк подбил, его осколками зацепило. Только ранило. Но чумы живы остались. Танк сгорел, а они живые... Они его и добились... Вот хоть на секунду бы... хоть бы на секунду нам раньше. Мы по ним, а они по нему... Хиви.... Это Хиви были...»

– Да... Но он уже герой, и от него больше ничего не требуется. А нам ещё здесь...

– Это да, майор. Это да...

Болотников уже представил свой тяжёлый разговор с этим человеком, как ему придётся жать на всё, что только есть, чтобы добиться исполнения своего будущего приказа. Не сейчас, но точно придётся. Тем более, когда речь зашла про Хиви... Одно это слово офицеры хранят в тайне. А уж подробности...

– Мы меняем «часовых». Вам к 11-у дому.

– Есть к 11-у дому.

Дай Бог, чтобы он также ответил через полчаса! Дай Бог. Прошла минута. И первый снаряд влетел в санитарную

часть, 15-й дом. Всего один снаряд, а всего дома нет. Хорошо, что в нём уже никого.

Чумы подтянули тяжёлую артиллерию. Оборона закончилась, началось удержание.

*** 07: 25

Межнациональные корни можно увидеть в изучении реакции простого народа на окружающие события, и особенно в трудное время.

Есть анекдот жителя Германии 1945-о года. Тогда англо-американская авиация бомбила города настолько сильно, что невозможно было даже дышать – воздух слишком горячий и едкий от расплавляющихся кругом зданий.

«Кого можно считать трусом?» – спрашивает один берлинец другого.

«Того, кто идёт добровольцем на фронт», – отвечает ему второй.

В чувстве юмора немцев наблюдается некая схожесть с русским юмором: та ирония по поводу того, что приходится переживать.

Болотников ощутил, что горит его левая штанина, но посмотрев на неё, увидел уже обгоревшую ногу. Как-то странно обгорело: только с внутренней стороны бедра, как раз там, где у него три родинки в виде правильного треугольника, чуть выше колена.

Маленькая дырочка, и прям в том месте. И кожа обгорела только вокруг треугольника, оставив его нетронутым, оста-

вив его живым.

Майор улыбнулся, подумав о том, что можем это значить: «Наши предки, возможно, были огнепоклонниками... Считали огонь высшей силой... Какой красивый знак они мне подали...»

Это удивительная и необъяснимая вещь, когда начинаешь думать иррационально в те моменты, когда смерть совсем близко. Появляется особое чувство, которое всё делает, всё может, и которое должно появиться вот именно сейчас.

«Обстрел они закончат через минуты две. Потом подождут немного, пока мы здесь помрём... и атакуют... Конечно, кого-нибудь раненым они возьмут, и что из этого выйдет? Мало ли, кем окажется этот раненый.. До срока нам осталось 20 минут, и мы их не выдержим...»

*** 07:31

Обстрел закончился.

Разведка севера показала, что противника там столько, сколько можно победить, и даже остаться при этом в живых кому-то.

*** 07:33

Широко поле. Тридцать три выживших. И столб чёрного дыма, поднимающийся в трех километрах за спиной.

Оба оставшихся спецназовца в непосредственном прорыве не участвовали. Их не хотел задействовать командир. Те без своего убитого товарища никуда не пойдут. А если с ним, то ход медленнее.

«Товарищ майор, мы отступаем?» – Северский со своим помощником группу догнали не долго, но как-то непонимающе – что происходит.

«Да», – Болотников в этот раз прямо идти не мог, не из-за обгоревшей ноги, а потому что надо было нести раненого.

– Я возвращаюсь. Там Мокрый остался.

– Мокрый мёртв.

– Для нас это не имеет значения. Его убили Хиви. Это вопрос чести, майор. Я возвращаюсь.

– Оставить, капитан! Следовать за группой. Нам нужны все силы, которые есть.

Северский воин. Для такого честь несоизмерима выше жизни. Своей, чужой – не важно. Для такого погибнуть в бою – настоящее счастье.

– Командир, я знаю. Нам надо было уходить только без десяти восемь. Ты нарушил приказ, а не я. – спецназовец двинулся назад умирать.

– Стоять! – Болотников сам остановился и повернулся лицом к Северскому. – Я нарушил приказ. Я! И меня за это будут судить. Но потом. Сейчас я командир. Я отдаю приказы. Я за всех отвечаю. И за тебя, и за всех остальных. И убитых в том числе... Мокрый мёртв, и я приказываю оставить его там! Мы не выждали, сколько надо, и я приказываю отступить! И у тебя есть две секунды, чтобы сказать «Есть» на это всё.

Ему дали приказ, который не соответствовал обстановке,

а нарушать его нельзя. Но не ему... Ему дороже те люди, которых ему удастся спасти, а не собственная голова, которой придётся заплатить за это.

Мало того, многие могут его и не понять: почему он так сделал, почему он, тот, кто всегда считался образцом дисциплины и порядка, вдруг так грубо нарушил самую основу.

Сейчас ему было всё равно, что о нём подумают, и как его накажут. Сейчас у него другие задачи.

И для их осуществления ему нужно добиться всего лишь одного...

Он знал, ему не понадобится проявлять силу или ловкость, или скорость, или ещё хоть что-то. Северский солдат и в этом случае сопротивляться не будет. От Болотникова потребуются только надавать на спусковой крючок.

Ничего сложного – маленькое движение, но потом на него, командира, станут смотреть, скорее, как на убийцу, чем как на того, кто вынужден жертвовать одним, чтобы уберечь остальных...

А не выстрелить нельзя – так он уйдёт, за ним ещё, и ещё, и тогда каждый оставшийся будет чувствовать себя слабым и испугавшимся позора меньше, чем смерти, и тогда и некого будет спасать.

Северский развернулся, и очень тяжёлый взгляд лёг на всё вокруг с его стороны – на всё, что угодно, но только не на Болотникова.

Спецназовец кивнул так, что медная гора свалилась с плеч

его командира: «Есть отступить, товарищ майор».

Болотников снова принялся помогать раненым и почувствовал как тонкий холодок начинает уходить с указательного пальца его правой руки.

Он не хотел думать, почему Северский поступил так, просто радовался тому, что ему не пришлось «своих» делить на «своих» и «чужих».

Паук

Утром, как обычно, Иван Тихомиров приступил к очистке коридора, ведущего из кабинета карака, где сейчас восседала Ананхр, к главному входу в здание.

Ваня не выспался, и движения его были вялыми и слабыми, словно внутренний механизм, состоящий из десяти тысяч шестерёнок не смазывался уже десять тысяч лет. Он не выспался каждый день – долго не мог заснуть: думал, что войдут чумы и заберут его за то, кто он есть. И хотя ошибок он ещё не совершал, и совершать их в общем-то было не на чем, спал он плохо, а по утрам, просыпаясь, пытался вспомнить сон, но вот уже месяца, как у него это не получалось. И всегда ему казалось, что снилось что-то страшное и невозможное, и настроение потом витало такое же.

Потом он поднимался на поверхность и приступал к своим обязанностям, и старался делать это так, чтобы ни у кого не возникало вопросов, чтобы никто не понимал, что у него на уме, и всё это получалось, каждое утро.

Но не сегодня.

Сегодня, прямо перед подъёмом, префект сказал ему о том, что он не мог представить себе, что стояло перед ним настолько высоко, что только небо могло быть выше.

А задание, которое из уст Горы, состояло всего-то из двух слов, давило на мозг так, что он, казалось, раскалывался на

части.

«Завербовать чума». Вот задание. Как человек может представить это решение? Ведь человек не представится агентом внутреннего отдела СЧК или Инквизиции, ведь он человек! Ведь он вообще никем, выше тех, вроде Дмитрия, которых ненавидят все, не может представиться.

А в то что поведал ему Гора, он ещё не вник. Ваня понял, что и у чумов есть церковь, что у них она имеет какой-то особый вес, но что с этим делать? Ещё давно префект, тогда ещё командир, объяснял ему некий способ вербовки, используемый исламистскими террористами в 21 век. Совершая террористические акты в Западной Европе, России и США, они сталкивались с одной весьма серьёзной проблемой – нехваткой смертников. Никто же в этих странах, даже при полной потере желания жить, не пойдёт умирать за исламские идеалы, которые ещё и преподаются им террористами в искажённом виде. Поэтому-то те далеко не всегда представлялись самими собой. Им же нужен результат: взрыв и побольше жертв, а из-за чего «некто» будет это делать абсолютно всё равно. Пусть взрывается из-за отключения света или повышения цен на него, если ему этого будет достаточно, лишь бы взорвался.

А потом можно будет назвать его мучеником или борцом за какие-то идеалы. Рассказывать, как долго его готовили к этому «самому важному шагу» в его жизни, как долго он читал Коран и вникал в смысл и важность своих дальнейших

действий, как долго он осознавал, почему именно его выбрали для такого судьбоносного момента в деле «освобождения» каких-нибудь территорий или народа... И пусть он сам обо всём этом и не знал, и близко даже не делал, но всё это можно будет рассказать про него и украсить всеми цветами радуги... Потому что в этому моменту он уже покойник.

Террористы могли выдать себя за кого угодно: левых, крайне правых, националистов или противников абортотворцев – лишь бы заставить человека сделать то, что им нужно.

Ваня смутно видел себя в подобном методе вербовки. Ему надо представиться кем-то, кто действует от имени этой их церкви и святой Инквизиции, но при этом он всё равно останется человеком. Мало того надо ещё и связаться с тем, кто говорит по-русски, сам он их язык ещё не выучил сколько-нибудь серьёзно.

Послышался глухой шум приближающихся шагов – по этому коридору проходят в день раз по сто, столько же чумов и кандидатов в агенты.

Спустя полминуты прошёл эсчечик, объевшийся и облепившийся – такому грози-ни-грози – всё равно ничего не сможет.

Через две минуты из кабинета карака вышел ещё один, примерно такого же вида.

За последующие восемь минут мимо Вани прошли ещё шестеро – все на одно лицо.

Затем из своего помещения вышла Ананхр...

Ваня внутренне улыбнулся: «Во! Её бы завербовать. Не обленилась ещё, работать может. Тех, кто наверху, уж точно не боится. Идеальный агент! Но только в мечтаниях...»

Проволочка тряпкой следующие полчаса шахтёр подумал, что таким образом он может приглядываться годами и не сдвинуться при этом с места.

Но и попытка у него толком одна – не поверят, сообщат, куда надо, и всё на этом кончено...

Тут кто-то стал орать, причём яростно, на чумном языке. Немного издеваясь и как бы отчитывая. Из всего Ваня толком смог понять только два слова «тат» (в перевод «ты») и «шахр» (его он узнал первым; чумной мат, ругательства, как обычно, запоминаются в первую очередь).

Вообще это какое-то непонятное явление: запоминать в чужом языке в первую очередь матерные ругательства. С одной стороны вроде кто-то запоминает их, чтоб понять не ругаются ли на него; с другой – чтоб ругаться самому, если что... Но это всё с виду. На самом деле это у всех происходит на каком-то подсознательном уровне... И вот чёрт его знает, откуда такое в нём взялось. Может, оттого что в детстве приучивают к особому отношению к мату, а во взрослом возрасте сам начинаешь понимать его «особый» смысл. Может, от самого генезиса мата, ведь производные от него слова, как правило, формируются каким-то алогичным образом. К примеру, слов «хуйня» и «пиздец» являются соответственно женским и мужским родами, хотя в корне их сто-

ят прямо противоположные по роду гениталии. Или то, что сами матерные слова формировались из нечто того, что является интимным, и в силу этого и произносить их публично (как и сами эти «нечто») является неприличным. Может, никто поэтому так и критикует тех, кто не ругается матом, а разговаривает на нём, мол, вроде «Это чуть ли ни как голым ходить по улице – неприлично». И всё-таки, как ни крути, а сам мат сидит где-то в подсознании, и, наверно, поэтому большинство людей матерятся к месту, только если это выходит резко эмоционально и неожиданно для них самих.

Крик закончился и почти сразу из-за угла выскочил довольно молодой и не настолько злой, как все вокруг, чум. Он шёл быстро и нервно: ясно, что на него орали. Но главное не это, а то, что его Ваня уже где-то видел.

Всё ближе и ближе. Надо было вербовать его: он молод, расстроился, о чём-то вероятно, жалеет и мало общался с людьми. Но надо обязательно вспомнить его имя!

Только, когда он прошёл, некая странная мысль ворвалась в голову: «Шинхр». Его так зовут. И тот, кто его отчитывал повторял это слово, а не то, матерное.

«Брат Шинхр», – тихо, но чётко и даже вызывающе сильно произнёс Ваня.

Чум, шедший уже у него за спиной, остановился и просто встал на месте.

Шахтёр не поворачивал голову, а чувствовал это, как тот пытается осознать, что это было.

Помимо этого чувство в сознание лез ряд мыслей о том, что же он делает сам. Вот он сейчас повернётся; он, Иван Тихомиров, тот, на кого сейчас все надежды на будущее, и не должен будет не сделать ни одной ошибки. Ни малейшей. Он славянин, светлые прямые волосы и аккуратное доброе лицо. У него не торчит правый клк, как у всех чумов. Глаза его не жёлтые и не фиолетовые, а серые и спокойные оттого, что не приходилось ломать окружающим кости и резать тупыми ножами медленно и бесконечно только для того, чтобы узнать то, что поможет сделать тоже самое с другими, или просто из удовольствия.

Всё это Ваня увидел, когда обернулся, чуть-чуть, в пол-оборота, чтобы тот не узнал его.

«Ты что-то сказал?» – спросил Шинхр по-русски, продолжая дышать тише, чем кто-либо проходивший по этому коридору.

«Ты не Тамерлан. – пытался пробиться некий внутренний «животный» голос. – Ты не можешь так идти напролом».

«Тамерлан ходил под таким же голубым небом, под которым хожу и я», – ответил ему шахтёр и сказал вслух: «Ты знаешь, чем всё это кончится. И мы знаем. Ты у них под колпаком».

Было сказано столько всего непонятного, что чум не смог определиться с того, что ему спрашивать первым.

– Разве ты не видишь этого? – шепнул Ваня.

– Чего этого?

– Что ты им не нужен... Ты для них пустое место. Они казнят тебя.

– Казнят? – Шинхр отвёл глаза в сторону и слегка вздрогнул – это было попадание в точку.

– Да. Присоединяйся к нам. Мы сможем помочь тебе.

– К Вам? Что ты...

– Не смотри на меня. Внешность обманчива. Ты ещё молод, многого не видел... Я говорю от имени церкви... от имени священной Инквизиции...

Услышав это, в его глазах что-то хлопнулось; Инквизиция оказалась тем, чего они боятся больше казни. И чего они боятся так, что готовы прятаться от этого даже за человеком.

– Я не совсем понимаю...

– Понимаешь... Должен понимать...

– Зачем я вам нужен?

После этой фразы с Вани сошло дурное предчувствие, и он чуть не вздрогнул от этого – тот поверил в его причастность к церкви, или, по крайней мере, посчитал такое возможным.

– Через несколько месяцев здесь пройдёт неделя покаяния. Нам нужны осведомители.

– Я должен указывать на других? Я...

– Ты! Ты избежишь суда... А указывать ты ни на кого не должен...

– Я...

– Ты! Ты должен сделать кое-что другое. Не хочешь ра-

ди себя, сделай ради святой церкви. Ради святой Инквизиции. И тебя избежит кара Чёрного Камня. Так записано в Силан-жах.

Вот оно. То самое, чем пользовались инквизиторы средних веков, не многим отличающиеся от чумных. Пугали людей неизвестностью. Необразованных и недалёких людей. Тем, что «так записано», «так сказано», а кем? Самими же инквизиторами. В итоге и получалось, что «ты должен помогать нам, потому что так сказали мы...» И работало же. Ещё как работало.

– Я должен подумать.

– Подумать... Непозволительная роскошь для того, кто ещё молод.

– Я не...

– Подумать – это тоже самое, что сказать, что ты сомневаешься в святой церкви. Ты сомневаешься в святой церкви, Шинхр?

– Нет. Конечно, нет. Я...

– Раз нет, так завтра и поговорим о том, чем ты можешь быть нам полезен.

На следующий день Шинхр и не подумал сомневаться. «Если он будет колебаться – убей его», – указал префект ещё с утра. Убивать не пришлось. «Если всё в порядке, то скажи, что нам надо его проверить – годен ли для работы с нами. Болтливых мы не любим. Тупых тоже. Ты знаешь, как это сделать». И Тихомиров знал.

Говорить пришлось на том складе, где не так давно умирал Рафаил. Следов не было: только запах. Запах липкой человеческой крови и любящего сердца, которое больше не стучит. Ваня ощущал что-то такое, отчего собственное сердце билось как-то странно: не больно, но словно выталкивалось из тела, словно внутри не осталось места для него.

– Нам нужны доказательства твоей веры.

Шинхр кивнул.

– Ты должен будешь достать для нас некоторую информацию. Из архивов. Если она соответствует той, которая имеется у нас, то всё в порядке.

– А если нет?

– Лучше, чтоб она соответствовала... Для тебя лучше... Так. Теперь достань нам два документа: первый – список действующих начальников «группы». Это достаточно толстая книжечка, но заполненная сейчас примерно наполовину. Там краткие биографии, характеристики и кое-что ещё (это Тихомиров знал от Дмитрия). Второе – из начальства транспорта. Участок «Днепропетровск – Донецк – Ростов-на-Дону. Полный план с расшифровками. На всё это тебе – неделя.

Дух Рафаила витал сейчас очень близко. Он беспокоен и напряжён и давит на всё вокруг. И его сильные целеустремлённые глаза смотрят на каждого чума.

Шинхр учтиво кивнул головой, понимая свою безысходность.

«Слава великой церкви», – прошептал он.

Болотников – Живенко

Бушенки. Решетиловка. Полтава.

Группа Хмельницкого добралась. Спустия три дня добрался и батальон Болотникова.

Рапорт

Главнокомандующему от майора Болотникова.

«Считаю необходимым лично сообщить о нарушении приказа главнокомандующего.

Вами было дано указание о прикрытии отхода основных сил из района Кременчуга и удержании данной позиции до 09:00.

Мной, в связи с обстоятельствами, был отдан приказ об оставлении этих позиций за 15 минут до истечения срока.

Готов нести ответственность в соответствии с действующим Уставом «Офицера Свободной Земли».»

Майор Сергей Болотников.

Когда Хмельницкий прочитал «это», его лицо побелело, а на плечи осело что-то несоизмеримо тяжёлое. В такую ситуацию он ещё не попадал.

Срочно вызвали Болотникова.

«Майор, это что?» – мощный украинский палец ткнул в нежелательный документ.

– Рапорт, товарищ главнокомандующий».

– Вы знаете, сколько это видели?

– Никак нет, товарищ главнокомандующий.

Виктор вздохнул – достаточно одного человека, чтобы потерять возможность «без затруднений» уничтожить «это».

– Серёга, ну кто просил? Кто просил строчить такую хуйню?

– Я Вас не понимаю, товарищ главнокомандующий.

– Да хули ты не понимаешь?!... Ты всё сделал, как надо...

План включал в себя вероятность раннего отхода... Я же тебе писал, в нашей группе информатор. Писал?

– Так точно, товарищ главнокомандующий.

– Всё теперь понял?

– Так точно, товарищ главнокомандующий.

Хмельницкий схватил его рапорт и нервно потряс перед собой: «Так, а с хуйнёй этой мне что теперь делать?»

Молчание.

– Ты б лучше в жопу себе засунул этот рапорт, а не мне подал. Так бы его никто не увидел... А теперь увидели... Пиздец, блять. Ты чем вообще думал, когда писал это, майор?

– Я знал все последствия, товарищ главнокомандующий... Я солдат. И моё дело уничтожать противника, а не за крысами гоняться... И если я выполнил задачу не так, как было в плане, то я её проебал. А раз проебал, так и моё право солдата признать это сразу.

Хмельницкий встал со стула и подошёл близко, настолько близко, чтоб слышать его можно было только шёпотом: «Ладно, майор... Сейчас из-за этого пиздец может начать-

ся... Но знай. Ты один из лучших у нас... Я бы явно надо лучше учиться разбираться в людях...»

Виктор похлопал его по плечу: «Ступай, дружище».

Большого он сделать не мог.

Миша вошёл в избу. Тот же милый домашний запах, что был в Кременчуге, теперь переселился и в Полтаву. Это особенность женской души: «делать уют». Когда приходишь и «чувствуешь дом». Место, где можно чувствовать себя по-другому. Здесь его уже полчаса ждала Наташа.

«Миш, ты когда-нибудь вообще бываешь в хорошем настроении?» – она и правда уже не помнила, когда это было в последний раз. Даже когда он получал ещё одну звезду на погоны, смотрел на это как на чудо, словно кто угодно другой заслужил этого больше.

«Да», – ответил Миша и чуть ли ни собрался уходить; мыслей много, а говорить не хочется.

«Товарищ капитан, повернитесь, пожалуйста, лицом», – Наташе до боли надоели эти натянутые отношения: то ли любит, то ли ненавидит, то ли ещё чего-то похуже. И так целый месяц.

Миша остановился и развернулся, продолжая смотреть в мнимого врага за окном.

Вот он, стоит там, за окном. Зелёный здоровенный чум с противным длинным клыком, торчащий изо рта. Его глаза как два отравленных змеиных шарика. Ядовитых и цинич-

ных. А руки... Когти отращенные годами и обязательно с оставшимися там частицами человеческой крови. Только эс-чекистам было запрещено показывать замазанные красноватым веществом лапы, только им поддерживали дисциплину порядком, а не поощрительным истязанием противника.

«Эсекист, имперский солдат – все они чумы, – думал Миша. – Все они бы с удовольствием съели бы моё 21-е отделение. И все они одни и те же, и не важно, на каком поводке их держат... Их всех надо уничтожить...»

21-о отделения уже не было, всё осталось лежать на окраине Кременчуга. И во всё отделении были одни девушки не старше 25.

Только себя винил Миша. Это он полмесяца назад взял их в свою роту. Возьми кто другой, и они были бы живы. Они могли бы сейчас стоять рядом с ним. Могли бы так же мило улыбаться. Могли бы быть кому-то жёнами, а кому-то мамами.

Миша повернул голову, желая сказать о том, что ему надо идти и наткнулся на зелёные глаза Наташи в пятнадцати сантиметрах от своих.

«Я что-то сделала не так?» – ей, действительно, так уже казалось.

«Нет...» – он легонько замотал головой.

«А что тогда?» – она собиралась было уже прямо спросить «хочешь или нет», «меня, такую как есть», но не смогла, что-то не давало ей это сделать. Скорее, то, что сделать это дол-

жен был он сам, не спрашивая, а понимая уже давно по её глазам.

И они оба замолчали.

Всё казалось таким противным, тем более для девушки, которая является сотрудником санитаркой части. Которая должна спасать людей от смерти, успокаивать, утешать их, чтобы они шли в бой, не думая о том, что уже убили их товарищей, что, конечно, убьют и их, чтобы ей потом пришлось лезть под пули за ранеными хотя бы половины, но не всей, группы, отправленной в атаку.

И вот перед ней стоит один из таких военных, который уже десятки раз пережил стресс, оглушающий сознание вместе с тишиной, наступающей после боя. Пережил десятки смертей своих ближайших друзей. Который за всю свою свободную жизнь только и думал о том, как бы убить побольше чумов. И она от него чего-то хочет?

Да даже, если война и сегодня закончится, и ему и всем остальным, побывавшим на Диком Поле, придётся только лечиться.

Да, это всё оно, Дикое Поле, думала Наташа. Это его дух делает из них, чьих-то будущих мужей, бесконечных солдат, которые до конца жизни будут думать о «местах дислокации» и «выдвигании правого фланга на ударную позицию». Раньше это черноземное плодородное поле называли «диким» из-за постоянных кочевников, не дающих спокойно работать, теперь – из-за самых массовых сражений с чумами.

Эту стратегию придумали люди, ведь в степи Солнце светит куда сильнее, чем в лесу. А чумы плохо реагируют на Солнце. Именно поэтому самые серьёзные столкновения с маки происходят именно там. Опасность в том, что артиллерия, которую чумы используют при каждом таком разе, усовершенствована ими особенно эффективно.

Чумы доработали противопехотные мины, совместив их с артиллерийскими снарядами. Давно используемые касетные боеприпасы имели особенность разрываться до подлёта к земле, тем самым увеличивая разброс осколков (шариков, расставленных по всему объёму заряда) на порядок. Чумы смоделировали эту технологию и получили снаряд, в полёте разворачивающийся вертикально, давая подобный эффект.

«Нет, нельзя его мучить. – подумала Наташа. – Да и меня тоже нельзя столько мучить... Раз нет, значит не хочет».

Эти мысли затаились где-то очень глубоко: заломило внутри и осело как твердый известняковый камень, пожелтевший и крошащийся, медленно и бесконечно.

Ещё чуть-чуть, и она совсем не сможет говорить, только плакать.

«Знаешь что, Миш. Иди, не надо ничего говорить», – Наташа развернулась, почувствовав, как у неё начинают выступать слёзы.

– Наташ...

– Иди – она присела на кровать и повернулась так, чтобы он не мог видеть её лицо.

Миша посмотрел на комнату, посмотрел на чума, которого никогда и не было за окном, посмотрел на Наташу, со всё той же чёрной как ночное небо косой, и тихо сказал: «Прости».

Он подошёл и сел на кровать совсем близко к ней, у спины, так, чтобы, если бы она захотела прикрыть своё лицо, ей не пришлось бы разворачиваться, и осторожно, медленно опустил свои руки на её предплечья: «Прости, Наташ... Мне стоило намного раньше это сделать...»

Она развернулась: чуть покрасневшее лицо, маленькие капельки слёз, скатывающиеся со щёк и большие зелёные глаза.

Миша прижался губами к её шее и поцеловал. Потом ещё и ещё. Совсем нежно. Будет это была не кожа, а эфир воздушного облака, будто, если дотронуться сильнее, чем можно, то он растворится. И мигом почувствовал, как она расслабляется, как все её нервы, только что так сильно напряжённые, становятся свободными, воздушными. Как её дыхание переходит от нервозности к страсти... Сначала тепло, которое греет где-то внутри, куда никому не проникнуть. Потом дыхание. Оно отражается в ушах так, что замедляется время, и не слышится ничего больше.

Заскрипела входная дверь. И они оба повернулись в ту сторону: сколько времени прошло, никто не знал – сколько-то много.

«Наташ, ты не видела Живенко?» – на пороге показался

повстанец. Лицо окаменевшее и всё в морщинах, пара шрамов и стеклянные глаза – олицетворение образа идеального маки. «Ох, это я помешал... Но тут дело срочнее некуда».

Капитан спецназа Максим Северский. «Тебя тут не хватало», – подумал Миша, поднимаясь с кровати. Он натянул китель, одел сапоги, валявшиеся на полу в разных сторонах, и вышел из дома.

«А что случилось?» – спросила Наташа, не понимая, как можно было так бесцеремонно всё испортить.

«Тебе лучше не знать», – Северский отрицательно покачал головой и удалился вслед за Живенко.

На улице хлестало крупными каплями. Где-то далеко сверкало. Сверкало сильно, а вот грома почти не слышалось. И ветер дул настолько сильно, что даже те берёзовые деревья, что стояли под полсотни лет, склонялись до самой земли. Такую погоду сложно назвать дождём; это дождевой шторм.

«Ну, что там», – Миша стоял неподвижно и полный ожиданий. Он видел, как тот говорил с Болотниковым четыре дня назад. Этот диалог о том, что будет после отступления, как из-за этого они чуть не постреляли другу друга. И сейчас глаза этого спецназовца, хоть и смотрели столько же непроницаемо, всё же отдавали воспоминанием того момента.

«Болотников. Его судят», – минуя дождь проговорил Северский.

Сзади стояла Наташа. Её косу прикрывал большой чёрный капюшон, и оттуда чуть поблёскивали всё те же сильные

зелёные глаза.

Если бы не она, здесь бы вполне возможно началась драка. Миша не стал этого делать при ней: те, кто спасает жизни, не должны видеть ненависть к своим. Еле сдерживаемые слова, процеженные сквозь зубы, это всё, что он сейчас мог: «Где это?»

«Пойдём», – Северский кивнул, продолжая быть всё тем же спокойным и сдержанным.

«Может, он гордится этим? – думал Миша. – Может, он и пошёл в спецназ, чтобы не быть как все? Чтобы ощущать разницу между всеми, кто здесь есть. Здесь же достаточно слабых людей, кто убежал от чумов из-за страха. Может, ему нравится считать здесь всех такими? А сейчас он пришёл, чтобы показать это нам? Зачем ему всё это? Почему пришёл он, а не кто-то другой?»

«Я пойду с вами», – тихо и решительно сказала Наташа.

– Не надо. Остайся здесь.

– Нет, товарищ капитан. Это не в Ваших полномочиях. – эту особенность Миша в не выискивал уже очень давно. То, как не любит она смешивать личную жизнь с тем, что относится к войне. Ей виделось это недопустимым: «А что, если, когда мне понадобится выбирать, я буду слушать свои эмоции. Ты ведь знаешь, к чему приводят эмоции в бою. Из-за этого могут погибнуть намного больше... Только из-за того, что я лишний раз посмотрела в твою сторону. А это же и есть эмоции... Я буду перевязывать кого-то и думать о тебе... А

если я буду думать о тебе, а не о том, кого перевязываю, могу сделать это неправильно. И что из этого выйдет? И это только я, старший лейтенант. А что можешь сделать ты, капитан? Не пустить всё моё отделение туда, где нужна будет помощь только из-за меня одной? Сколькие погибнуть из-за этого?»

И сейчас, когда никакого боя не было, она не хотела отгораживаться, хоть и Болотникова она знала не так давно.

Вообще военных принято судить на закрытых процессах; так, чтобы никто не видел. Но у украинских маки это правило не распространялось – когда-то выбирали также в открытую, теперь также в открытую и судили. И даже сейчас, в дождь, ни у кого не повернулся язык предложить зайти в помещение.

Все в парадной форме; перед полуразрушенным зданием когда-то существовавшей местной администрации древних небольшой дубовый судейский стол, накрытый красной скатертью, за ним трос; справа от них по идее должны были бы быть присяжные, но их там не было; слева небольшая трибуна, собранная из ящиков и матбаз; немного дальше стул, где сидел сам майор, охраняемый двумя гвардейцами.

Вокруг везде народ: все солдаты, воюющие за свободу, но кто-то санитар, а кто-то инженер.

Главнокомандующий вместе со всеми, но в первом ряду. Его фигура высока и весома, но беспомощна в таком окружении – тех, кто может только смотреть.

К этому моменту суд закончил рассмотрение всего, что

«только было предъявлено» предоставил слово подсудимому.

Тот отрицательно покачал головой – мол добавить мне нечего.

«Суд удаляется для принятия решения», – объявил главный судья, и все они удалились с площади.

Все стояли и не двигались, не шептались и почти даже не дышали. Только ливень заливал всё в округе, грохоча бес- смертными недоступными молниями.

Миша посмотрел на Болотникова. Майор сидел ровно и спокойно, и, хоть и было далеко, были видны его довольные глаза. Тем что ему удалось спасти своё подразделение, тем что им не пришлось гореть за те, на самом деле, ненужные 15 минут. «Они живы, и этого более чем достаточно. Это перевесит всё остальное».

Затем посмотрел на высившееся здание; очень давно здесь заседала Полтавская администрация. Крыша его хоть и держалась до сих пор, всё же была проломлена в двух местах, и крошилась по краям. Со стен слетела штукатурка, а у окон не держались даже рамы. Здесь обдумывали приговор.

Оглядев развалины, Миша повернулся к Наташе. Ей очень трудно находиться здесь, говорили её глаза.

– Ну зачем ты пришла?

– Сама не знаю... Но на этот вопрос можно не знать ответ...

– А на какой нельзя?

– Вот, если бы я не пришла, меня было бы спросить «А почему не пришла». Вот на него уже нельзя не знать ответ.

– Кто бы тебя это стал спрашивать?

– Не знаю. – ответила Наташа, прекрасно зная, что это она спрашивала бы сама у себя.

Из здания вышли трое. Подойдя к столу, они не села, а достали небольшой листок бумаги: «Прошу всех встать». Болотников поднялся со стула и встал настолько ровно, как ему ещё никогда не приходилось стоять; он боевой офицер.

«Суд Свободной Земли признал майора Сергея Ивановича Болотникова, командира батальона «Донбасс» группировки имени Богдана Хмельницкого виновным в нарушении приказа. В соответствии с уставом «Офицера Свободной Земли» к лишению воинского звания и смертной казни через расстрел. Дело закрыто».

Из всех, кто был на площади, не было человека мрачнее Хмельницкого. Из-за его «конкретностей» в приказе вышло «это». Только после того, как «это» увидели, встал вопрос о сроке вывода войск из Кременчуга. Но он не мог дать прямое указание, ведь в группе действительно есть информатор, и если бы он узнал, то под угрозу могла попасть вся группа.

Но был ещё и второй вариант. Уничтожить «это». Что бы было? Хмельницкого сместили бы, и тогда группировка бы развалилась. В этом даже не приходилось сомневаться – за что бы ни боролись люди, а за власть они всегда борются, не оглядываясь ни на какие принципы и последствия.

«Нет, ну что они не люди? Из всех троих не нашлось ни одного?» – спрашивал себя Виктор и сам же отвечал: «Нет, не люди. Механизмы, которые действуют по уставу, который ты же и написал когда-то. И сам же больше всех рвался, чтоб его утвердить. И сам ты был механизмом, когда передавал им рапорт. Это система. А против неё нельзя идти, даже если ты сам её создавал. Иначе она или тебя съест, или сама развалится. И это уже будет или узурпация или революция...»

Но Болотников тут причём?! Мы воюем с чумами, а он солдат. Такие как он, это всё, что надо для Победы! И его расстреливают?!

Здесь хватит одного «нет».

Хмельницкий вышел из ряда. Через ливень. Через должность.

«Главкомандующий желает слово», – произнёс он на всю площадь.

В народе зашептались, зашептались и в суде.

«Суд даёт слово Главкомандующему».

Виктор не стал откашливаться, прогревая голос: здесь медлить нельзя, медлить может только система: «В связи с особыми заслугами майора Болотникова перед Свободной Землёй, перед всей нашей группой и передо мной лично, прошу заменить расстрел зачислением в штрафной батальон».

Суд снова зашептался, а народ стал негодовать. Народ такого ещё не видел и увидеть не мог. Все молчали, но мысли и

этот глухой звук неожиданности ворочался над всем вокруг.

«Они не знают, что делать. Потому что нет пункта про то, что нужно делать в таких случаях. – думал Виктор. – Они всё же мои рычаги. Хоть и на последний раз. Но всё же мои...» Все ощущения, каждый нерв его шептал, что после согласия суда, кто-то из его самых ярых сторонников подойдёт и прямо в спину всадит ему нож. И этого так хотелось. Пусть это случится, руководство на себя возьмёт Зубрилов, расстреляет пару бунтарей и всё в порядке. Группа не развалится. А, если нет, что ему делать? Остаться тем же самым, имея за спиной такое нарушение? С этим будет сложно жить, а руководить тем более.

Ах, этот прекрасный тёплый ливень. И гроза, достигающая нас... Как вы прекрасны!

– Суд согласен с Главкомандующим. И это означает, что нам надо создать такой батальон.

– Да. Создать такой батальон.

– В этом случае Суд уполномочен назначить командира в этот батальон, раз он создаётся во время заседания суда и при его согласии.

Виктор не до конца понял, что происходит. Он же ждал, что его кто-то пырнёт ножом в спину. Но этого не происходило. Всё происходило совсем другое. И чувство... оно говорило, что что-то изменилось, прямо только что. И капли летят другие, и шум грома другой, но какой «другой»? Лучше или хуже, чем раньше? Тот, который должен быть или нет?

«Ударьте в спину же!» – кричал в мыслях Виктор, смотря на судей и ожидая того, кто придёт сзади. Но никаких резких криков и шокирующих мерцаний взглядов. Никто не бежит и не целится.

Виктор обернулся.

Никого. Только верный заместитель Александр Зубков рядом. Никто не готовился бить в спину, группе не из-за чего расходиться. Тот случай, когда система предполагает возможность ошибки. Когда все согласны. Ведь система – не фундамент, а оболочка. Фундамент – мысли людей, которые сейчас согласны. Так думал Виктор, пока не увидел бешенные глаза Болотникова, не понимавшего, как ошибся его командир.

– Суд назначает командующим новосозданным штрафным батальоном Виктора Хмельницкого.

Виктор обернулся в сторону Зубкова. Глаза его не просто выдавали себя, они торжествовали и благодарили за такую возможность занять его место. Эти глаза лишь пару мгновений ещё бывшие столь невзрачными, сейчас бушевали пламенем власти.

«Зубкова в Главнокомандующие!» – крикнул кто-то справа, а затем тут же человек 50 поддержали его: «Да! Зубков! Главнокомандующий!!!»

Зубков поднял руку и помахал им.

Болотников что-то прокричал судьям и попытался побегать в их сторону, но гвардейцы тут же схватили его, и один

из них стукнул его прикладом в затылок. Майор осел на колени и почти сразу исподлобья взглянул в сторону Виктора.

С другой стороны толпы стоял Миша Живенко, и из-за спин нескольких человек ему не до конца было видно, что происходит на площади. Рядом стояла Наташа, а ещё рядом командир спецназа Северский, тот самый, что так напряжённо бодался с Болотниковым при эвакуации из Кременчуга. И сейчас он стоял очень близко к Наташе, сжимая что-то в кармане куртки.

– Только двинься. – прошептал Северский. – И тебя, и её потом прикончим.

Мише в спину упёрлось что-то острое, и он ощутил присутствие ещё нескольких человек из спецназа. В это время ближе к левому краю площади кто-то стал кричать что-то за Хмельницкого, но сразу завязалась потасовка, и крики притихли.

Ещё с одной стороны выкрикнули «Зубрилов», и несколько человек двинулись к уже бывшему главнокомандующему, чтобы его отконвоировать. Кто-то уже подносил Зубрилову булаву, которую он торжество взял и взмахнув вверх выкрикнул: «Мы победим! За Свободную Землю!»

Судьи встали и торжественно поклонились. Кто мог что-то кричать против, пытался кричать против, но было поздно. Теперь перед всеми стоял новый Главнокомандующий, которого избрали прилюдно и также прилюдно утвердили в должности.

Верховный жрец

Совет шести. Тот же мрачный свет, те же недолетающие вопли из подвалов.

Все на месте. Снизу, из-под стола гнусный трясущийся голос главы Священного Сейма.

«Я слышал новости из 2-й стадии. Говорят всё портится. Что может сказать брат-жрец Гузох?»

Загнусавил Гузох: «Наш сектор проводит новые операции, новые облавы. Недели покаяния боятся всё больше. Больше осведомителей. Словом...»

«Словом, – перебил его Неврох. – всё, кроме цифр».

«Цифры в порядке, верховный брат-жрец Неврох», – тот уже не мог выдерживать эти заседания: всё любым путём, но движется к его «изгнанию».

По поводу этой стадии все решения давно были приняты, осталось доделать. Неврох продолжил: «Хорошо. А что может сказать брат-жрец Катох?»

– Мы придумали новую методику. Сейчас опробуем. Всё идёт по плану.

– Вот и хорошо. Кому-нибудь есть что сказать по этому поводу?

Никаких идей, предложений, даже вопросов. Ни о «новой» методике, ни о цифрах, ни о чём вообще. Все делали вид, что всё знают, но в реальности почти все только что и

делали вид.

– Тогда объявляю совет оконченным. Следующий через 6 дней.

Все разошлись. Самох, руководитель сектора 360-о гродуса, входящего в 1-ю стадию, открыл одну из пожелтевших дверей и спустился вниз по лестнице. Там его ждал Неврох.

– До чего же мне надоело вести беседы с этими холуями. Ничего, кроме как нести ахинею про нашу справедливость и доказывать бредни «Силанжах», больше делать не умеют.

– Самое интересное, что они сами в это верят – ухмыльнувшись, прогнусавил Самох. На него глава возлагал свои новые надежды. У него самый важный аппарат Инквизиции: надзор над СЧК и самой верхушкой. Только он сможет вернуть церкви её былое влияние, отнимаемое эсчекистами. Кроме того, у него правильные понятия относительно разграничения церкви от веры, а без этого нельзя стать верховным жрецом: только тот, кто видит настоящую разницу может убеждать остальных в единстве.

– Не мудрено... Не мудрено...

– Вы что-то хотели сказать, мастер?

– Да... Я чувствую кого-то, кто может нам помешать...

– Среди кого?

– Среди людей. – Неврох развернулся. – Я чувствую странного человека. Такого ещё не было. Он представляет серьёзную угрозу.

– Человек? Мастер, Вы...

– Не будь дураком. Я не хочу, чтобы когда-либо моё место занял опрометчивый чум. Эта их пропаганда про слабость людей стоит не дороже нашего «Силанжах»... Я никогда ещё не чувствовал такой силы.

– Скажите место, я вышлю агента.

– Не стоит... Я уже выслал... Месяц назад... А место... Как раз тот район, где мы используем Р-36 и Р-37. Да, кстати, у тебя есть ещё идеи, как можно использовать эти остатки?

После того случая остался только Р-37.

– А что тут делать? – Самох состроил вопросительную рожу из своего и без того противного лица, и они оба рассмеялись.

– Вот и я так думаю. – согласился Неврох. – Сначала займись этим и сразу на место. Лично изучи обстановку, потом доложи мне. Агента ты в лицо не знаешь и не надо. Он знает своё дело...

Паук

Прошла пара дней, и Шинхр принёс всю информацию: пути Днепропетровск-Донецк-Ростов-на-Дону и характеристики на руководство колонной.

– Вы обещали, что защитите меня – сказал он, передавая бумаги.

– Нет, мы такого не обещали. Мы сказали, что не тронем тебя...

– Но как же...

– Не беспокойся, мы защитим. Просто ты должен заличать, что было, и о чём подумал... Вот теперь, когда ты принёс то, что мы просили, я говорю тебе «Мы защитим тебя»

– Спасибо. Я правда...

Чум сказал это слово. «Правда». Что это значит для них? Возможность остаться в живых? Не быть замешанным во что-то с СЧК или Инквизицией? А состояние души? Есть у чумов душа, чтобы испытать для неё оправдания своим действиям?

– Не спеши. Мы проверим «это», и тогда можешь быть спокоен. Пока жди.

В его глазах виднелось опасение уже с двух сторон. Шинхр боялся и эсчекистов, и инквизиторов. Одни могли остаться неудовлетворёнными его действиями и сдать, другие могли обнаружить его «контакт» с первыми. Он бы и вовсе ни во

что не вмешивался, но страх заставил его сделать это. Страх перед тем, что творят эти «искоренители ереси» на своих землях.

На следующий день Ваня отдал переписанный материал, сказав, что всё в порядке, и что в ближайшее время его помощь не понадобится. Шинхр вроде бы остался доволен, но некоторая мысль делала его скованным.

– У тебя что-то не так? Говори, мы же церковь. Мы всё поймём. – Ваня за эти пару дней настолько вошёл в роль, что даже смотреть на всё стал по-другому, словно за ним действительно стоит настолько серьёзная организация, которая, в случае чего, и его отмажет и, если будет надо, и его агента.

– Да нет. Вроде ничего... Шеф сегодня не доволен... Могут понизить... Думаю, всё уладится.

Трудно понять, почему он не попросил помощи: видно «недовольный» шеф менее страшен, чем «помогающая» Инквизиция.

Как бы то ни было, но префект на следующее утро потребовал от Тихомирова «узнать всё по этому вопросу».

Очищая в этот день пол на своём обычном месте, Ваня услышал крик из смежного помещения. Опять тот же издаваемый голос, у которого власти-то нет, а есть пара полномочий.

Дверь распахнулась, в коридор вышел Шинхр. Всего полминуты истерики, а на нём уже лица нет. Такого выражения лица Ваня у чумов ещё не видел: глаза уменьшились не в

два, а в три раза, лоб сложился складками, как и губы, щёки напряглись и потянули к себе ткани ушей.

– Меня расстреляют. Если не произойдёт чудо, меня расстреляют. Иван, пожалуйста, Вы мне обещали помощь. Я же верен церкви, я выполнял Ваши поручения, я буду полезен Вам...

– Не суетись. Мы поможем.

– Спасибо. Спасибо, Иван, я никогда не забуду...

Тихомиров смотрел на его наивность и видел, как рушится его здание, так легко построенное и построенное на словах.

– Тихо!

– Хорошо.

– Ты должен. Уже завтра. Принести нам документы.

– Какие?

– Тихо!.. Ване так хотелось выжать из этого ещё хоть что-нибудь. – Начальство снабжения. Информация о складах и их местонахождениях. Как это выглядит, у нас информации нет. А мы займёмся твоим шефом...

Конечно, он принёс всё, о чём просили. И даже больше. Даже то, что он, в принципе, не мог достать – Секретные данные СЧК о подозрительных сотрудниках группы «Диза». Надеялся, что так он сможет побольше сдать для Инквизиции...

– Молодец. – медленно похвалил его Ваня, закладывая бумаги под рубашку.

– Вы... – начал было Шинхр, походя своими эмоциями на слабого человека: брови подняты, и глаза полны бестолковой надежды.

– Мы всё сделаем. Теперь он может орать на тебя сколько угодно, ничего тебе не будет... Если хочешь, можешь разбить ему рожу, а потом плюнуть в неё... Считай себя неприкасаемым. Церковь всегда защитит, пока ты ей служишь. Служи нам дальше также верно.

Радости на его лице не было предела. Видимо, он решил посмаковать свои новые возможности. При очередных разговорах со своим начальником он ехидно дерзил, насмехался, потом спровоцировал новую вспышку гнева и в процессе вlepил прямым между глаз своего оппоненту. А потом плюнул ему в лицо. Практически так, как ему советовали... Сбежавшиеся охранники быстро выволокли его оттуда, при его продолжающихся уже истеричных криках о несправедливости и каре за нападения на святую церковь отвели во внутренний двор учреждения и там расстреляли.

Эти короткие выстрелы; с таким коротким и очень глухим эхом.

Ваня покачал головой, но не то чувство взяло его сердце. Это не жалость, он вообще не расценивал чумов как живых существ, а простые механические функции вроде речи или движения трактовались им как что-то ими украденное из земной жизни. Чувства, испытываемые им, имели схожесть с той потерей важного предмета, как если бы он потерял ло-

пату, которой ему надо прорыть ещё целую яму, вещь, которая нужна, но которую можно заменить.

И когда Ваня врал ему прямо в глаза о том, что поможет, если тот выполнил его поручения, о том, что ему ничего не грозит, он делал это, руководствуясь не тем, что «сейчас страдают люди, и я должен им помочь». Он стал таким; как разведка и с таким же точно духом: циничным и безжалостным – «здесь ходят цифры, и у каждого есть польза». То, что он помогает людям, то, что от него зависит многое в этой войне, сидело уже где-то совсем глубоко в нём. Он желал свободы для всех, но это встало на второй план. Теперь Тихомиров делал это, потому что его влекло «строить систему», «свою систему».

И сейчас ему нужен был новый агент. Первый раз повезло: попался дурачок, купившийся на страхи с Инквизицией. Второго такого не будет – поймают и казнят.

13:40 Перерыв у чумов.

Ваня вошёл в комнату №113 циркуляра 18Б, помещение обслуживающего персонала. Там он назначил встречу с Дмитрием.

Тот, очевидно, давно не получал своих наркотиков, и вид его был чахлый, как у старика, больного раком. Глаза не видят, и кровь не течёт.

Видимо, в последнее время ему так и не удалось никого сдать... А кого можно сдать, если в шахте сидит префект и

велит всем молчать и работать?

– Ну что, не хватает тебе твоего героина? – спросил Ваня, смотря на него, как и прежде. Это выгнанный из стаи волк, который ищет нового вожака, который будет по-новому пинать его, иногда может быть, давая возможность обглодать ненужную ему косточку.

– Чего ты хочешь? – с трудом произнёс он. Его вертело из стороны в сторону, зрачки то расширялись, то сужались... И ради того, чтобы дойти до такого состояния, он принимает эту дрянь?

– Нет, это тебе нужно... Хочешь своего порошка получить?

– Да! Да. Дай!

– А ну-ка, покажи язык.

Посиневший и весь вялый – не язык, а, скорее всего, его напоминание.

А что, если посмотреть на его продажный мозг?

Там не найти продажности, только страсть к удовольствию, только желание потерять то, чем и не обладал. Именно это и даёт любой наркотик.

– Сделаешь кое-что – получишь...

– Нет. Дай! – Дмитрий попробовал схватить его, но всё не то. Нет ни силы, ни скорости, ни вообще возможности совершать поступки – есть «отсутствие препарата».

Ваня не сильно, но точно рубил ему в челюсть: наповал и в сторону.

Как отвратительно на это смотреть... Что с ним стало. Кем мог быть этот человек? Вот он валяется на полу, не может ни на каплю себя удержать, не может ни встать, ни сесть, ни даже хоть что-то говорить, а только просить то, что сделал из него «это». Какой низкий круг, и сколько они по нему ходят?

– Какой у них глупый мир. – подумал Ваня и сказал вслух. – Ты знаешь здесь недовольных эсчекистами?

– Недовольных?

– Среди чумов.

Мысленный процесс тормозился задурманенностью мозга.

– Есть... Да... Принхр.

Не пойдёт. Он в списке заподозренных у эсчекистов, он под колпаком.

– Ещё.

– Донхр.

– Кто это?

– Один из капитанов.

– Имперских?

– Да.

– Почему не сдал его?

– Я должен знать причину его недовольства прежде чем сдавать.

– Только так?

– Да. Он чум. А я нет.

– А с чего ты решил, что он недоволен?

– Слышал. Случайно. В разговоре.

– О чём был разговор?

– Не помню...

– Где он сейчас?

– Уехал, по-моему.

– Куда?

– Не знаю.

– Вернётся – доложи. Кто обычно тебе даёт героин?

– Раньше Чанхр. Теперь другой. Я не знаю, как его зовут.

– Не знаешь, как зовут хозяина... Ладно... Как часто они

меняются?

– Это первый раз.

– Почему его сменили?

– Он убит.

– Кем?

– Сказали, болгарами.

После обсуждения ещё нескольких кандидатур выяснилось, что никто, кроме второго толком не подходит. Донхр. И его придётся ждать. Или ещё придётся слушать.

– Я получу героин?

– Получишь. Но не сейчас, а когда сделаешь кое-что.

– Что?

– Не сейчас. Я скажу, когда придёт время.

Вот та «неизвестность», к которой стремился Дмитрий, и которая будет его истязать ещё больше. Может быть, он бы

и хотел сейчас наброситься на Ваню, растерзать его, только из-за того, что у него нет героина. Но сил не было. Ни на что. Даже на то, чтоб закричать об этом.

– Сколько ты уже работаешь на них?

– Два года. Мне нужен героин. Я сказал, что знал... Пожалуйста.

Ваня врезал ему ещё раз в челюсть и подумал: «Со стажем уже. Свою партию-то отыграл почти. Вовремя я за него вцепился...»

Живенко

Оставив Полтаву группа Зубкова переместилась в Харьков, в этот не только древний, но весьма знаменитый город.

Если всмотреться поглубже в пять крупнейших украинских городов, то получится, что Киев – душа и мать всей земли; Днепропетровск – сила и дух Днепра, после него Днепр, впитав Орель, Кильчень и Самару, становится таким, каким его встречает Чёрное море, давным-давно называвшемся Понтом Эвксинским; Одесса – центр торговли и всеевропейских связей страны, самый живой и бурлящий жизнью город, может быть потому, что ни разу за всю историю своего существования не был разрушен, даже в Великую Войну; Донецк – основа и движение труда, совсем близко отсюда зародилось величайшее трудовое движение «стахановцев», быстро захватившее тогда весь Советский Союз; и Харьков – скопление ума и мудрости, в котором ещё во времена имперской России существовал Университет.

Основан он был почти сразу после победы украинских казаков и московских войск над поляками в 1676 году.

В ту войну произошло одно уникальное событие, берущее корни с Переяславской Рады. Казаки, объявляя о присоединении к Московии, потребовали, чтобы царь присягнул им на верность, то есть поклялся служить на благо их народу.

В Москве так было непринято – чтоб присягал царь. Но

поскольку казакам хотелось вступить в состав единого государства так же сильно, как хотелось их принять русским, состоялся, впервые в истории взаимный «доверительный акт». Алексей Михайлович не присягал, но давал слово править украинцами на их же благо, а они, в свою очередь, на благо царя и объединённого государства. Так впервые со времён Киевской Руси Киев и Москва стали частью одной страны.

Харьков вобрал в себя всю взаимную любовь и преданность друг к другу. Там и сформировался ум.

Пустые улицы. Кое-что развалено, кое-что развалилось само. По бордюру, мимо камней и полурассыпавшихся кирпичей, шёл Миша. Он давно, ещё со времени рассказов Саша Ручьёва, хотел побывать здесь; увидеть своими глазами то, что стоит того.

Несмотря на всю духовность, в городе, минуя время и войны, осталась куча мелочей, куча барахла, оставленного теми, кто был за Запад или Восток, а ещё куча рекламы... Через метр плакаты и билборды, высотой в два человеческих роста, и изображение чего? Мобильного телефона. Одной фирмы, другой. С надписями о лозунгах и срочных акциях...

«И народ покупался на всё это? – подумал Миша. – Что вот в этом прямоугольном предмете такого важного? Неужели всем без исключения нужна эта вещь, да причём именно эта модель?... Пять кварталов прошёл, эту штуку раз в десятый вижу. Без неё что, нельзя было из дома выходить? Именно вот без этой модели нельзя было выйти на улицу? Она

нужна каждому? Как противогаз в газовую атаку? Что у нас раньше была за власть, что не смотрела за тем, что больше всего советуют купить человеку? Власть же заинтересована в обороте торговли не больше, чем в своём собственном существовании. А кто сохранит её, власть, оборот торговли или собственный подданный, видящий заботу о себе со стороны государства? Сколько людей не знают о том, что их здоровье можно было бы повысить только принимая йод или витамины в нужных количествах? Почему бы власти не развесить на этих плакатах рекламу о том, что им, таким нужны для государства гражданам, раздадут витамины на каком-нибудь пункте, пусть не бесплатно, если средств у государства на это не хватит, но для их же здоровья, просто потому что без них эта власть ни грамма не стоит. Ни грамма не стоит без людей!... Так ведь нет! Повсюду эта власть разрешала этим трубадурам голосить про то, что им нужен некий ультрасовременный всё способных сделать за них телефон! Где приоритеты этой структурной конструкции? В том, чтобы наблюдать как, смотря и слушая всё это дерьмо, завёрнутое в шелка, народ продолжал оставаться патриотичным?

Стоило сказать всё это рекламному щиту, как с него слетел плакат мобильного телефона, а под ним оказалась социальная реклама с просьбой «пропускать на дороге скорую».

– Во... Так и надо. Весь смысл рынка: выигрывает ото, кто больше заплатит. Кому нужна скорая помощь? Старикам, в основном. А они-то живут на пенсию, которой не хватит на

мобильный телефон последней модели. Вот и нужны они никому...

Впереди у дороги сидел Григорий Листов, снова на ступеньках. Тоже изучал город, тоже по чьим-то воспоминаниям.

– Здравия желаю, товарищ капитан. – сорвался он с места.

Входит в привычку; не его субординация, а отвращение к этому у Миши. Надоело и всё тут. Стучат по фуражке уже как кузнец по наковальне. Наверно это из-за того, что приходится слишком часто ходить в бой...

– Присаживайся.

Они сели; снова на ступеньки – всё как в прошлый раз.

– Как тебе город? – спросил Миша.

– Отлично, товарищ кап...

– Хорош уже. Просто Миша. И всё. Это приказ.

Гриша растерялся: «Как-то неудобно».

– Да ладно, неудобно. Пули для всех одинаковые. И генералов они не облетают... – Миша усмехнулся. – И даже наоборот... Адмирал Нахимов. Слышал такого?

– Никак... Нет, не слышал.

– В Крымскую войну обороной Севастополя руководил... Только сказал, что «сегодня хорошо стреляют», тут же получил свою смерть.

– Жаль.

– Почему тебе жаль?

Такого вопроса и всем не предполагалось услышать.

– Почему тебе жаль? – повторил Миша, взглянув ему в глаза не как командир, а как солдат, который видел смерть множество раз.

– Он ведь обороной руководил... Без командира-то как?

– Ах вот ты про что... Но это тебе жаль, а ему? Не уверен... Там уже проигрывали эту войну. Сам знаешь, как это трудно проигрывать. Да ещё тем, кого ненавидишь. Кто пришёл на твою землю, а ты ничего не можешь сделать... Так хочется схватиться за пулю... она всё вылечит, всю боль на сердце... И схватить так, чтобы не нарочно. Чтобы не специально, а так... мимо пролетала, чуть задела. Ну что ты можешь сделать? Ничего. И вины твоей нет... Смерть бывает такой сладкой... Как утреннее солнышко. Или тёплое течение реки.

– Смерть сладкая?

Миша посмотрел на небо и, увидев на нём нежные, ласковые как любовь, облака, ровно кивнул: «Да. Для такого, к кому она пришла... А вот, кого не тронула, для того она может быть просто грудой камней на душе... Ты ведь знаешь Сашу Ручьёва, моего старого друга?»

– Ручьёв? Которого в майоры повысили в прошлом месяце?

– Да... Которого посмертно... Сначала его старого друга не стало. Ему захотелось умереть... Ну вот теперь его не стало... – Миша хотел было сказать, что «и ему теперь хочется умереть», но не стал; это слабость – делиться со всеми,

с кем ни попади, своими камнями в душе. – И такое везде кругом... Война. Ничего не поделаешь... Каждый как только может...

Что-то не то юркнуло в Грише: последние четыре слова, задели маленький нервик в таком месте, какое нельзя потрогать, а только почувствовать: «Каждый как только может за других?»

– Да. За других, Гриш.

– Каждый. Каждый... Каждый... Каждый, но не я! – вскопчил он с места и, распахнув руки в сторону, закричал, что было «каменной» на душе.

– Можешь покричать, Гриш, если хочешь, но все знают.

– Что знают? – обернулся Листов к сидящему на ступеньках Живенко. – Нет, не знают! Не могут знать!

– Знают. Знают, что ты убежал от чумов, оставив там своих родных. Маму и сестру. Знают, Гриш, знают. Можешь винить себя, но у каждого свои слабости. Бог сделал так, что не все могут терпеть «своё», положенное. Можешь винить Бога, если хочешь. Он создал этот мир... Но лучше сядь и подумай, как лучше победить чумов. – больше было сказать нельзя, больше – просто не выдержать самому.

Гриша подошёл обратно и сел, нет не сел, а, скорее, плюхнулся на лестницу.

– Ты подумай о будущем. – продолжил Миша. – Вот, когда мы победим чумов, как всё будет... Опять Восток-Запад? Да, думаю так... Земля хранит в себе все мысли, весь дух.

Ещё по Геродоту характер народов, их менталитет определялся местностью, землёй, на которой они жили... О, знаешь, как всё это различается!

Казалось, ничто не выводило Гришу из его состояния: сидел с упавшими глазами.

– Вот я тут газет почитал старых. Они там, Гриш, за тем углом, целыми стопками валяются... Так вот, там всё...

– Нет, товарищ капитан. – не смотря на командира, сказал Гриша. – Не понять Вам меня... Я ж ведь из-за всех стараюсь помогать им. Стараюсь... А не знаю, даже, есть ли в этом толк... Просто стараюсь и всё.

Миша не до конца понял, что это за тирада, и как следует её понимать. Он лишь видел сейчас рядом с собой человека, который потерялся во всех своих мыслях, и который, видимо, даже не понимает, как ему выйти из этого штопора. Если вообще понимает, что где-то должна быть такая возможность. И всё это в тот момент, когда Мише рядом так нужны верные люди. В такой момент, когда они оказались в штрафниках, с переделом власти во всём Отряде 14 и в такой момент, когда ему просто запрещено облажаться в личной жизни.

– Нет. – подумал Миша. – Может, у меня есть такие расхлябанные подчинённые, но сам ещё в бараний рог сверну все проблемы... Уж если не ради себя, то ради Наташи...

Маша

Небольшой деревянный домик. Просторные поля. Тихая речка. Маша у колодца, одна, но не такая печальная как раньше.

Она долго смотрела на дно, на волны, бьющиеся о стенки воду и всё время видела своего любимого. Так они уже четыре часа глядели друг на друга.

За то время, что Маша жила в этом доме, её живот почти не вырос, но ребёнок... Ребёнок... То, что он там есть, что он расчёт и уже так скоро появится на свет... Это так прекрасно...

Маша снова задумалась над этим словом.

В последнее время ничего по дому делать ей не давали, и оставалось только читать да любоваться природой. А, в целом, и то, и другое. Пастернак, Есенин, Пушкин... леса, озёра, реки, поля, цветы – всё это красиво. Да, именно, красиво... И музыка, и живопись, и скульптура – красиво. И поют, и рисуют, и пишут не хорошо, а красиво. И расцветают поля и цветы и ветер свищет в степи, и Солнце дышит огнём, и Небо плывёт вдалеке – всё это только красиво, и никак по-другому.

Маша поняла это, когда смотрела на Небо, на Небо, высившееся над ней. Облака, серые и голубые. Они такой формы, которую представляет сознание и не проецирует ум, та-

кое можно только увидеть, и только над собой... Может, в этом и есть суть Неба. Напоминать людям о красоте, когда они ничего больше не видят... Были войны, были полководцы. Выиграл этот полководец сотню битв, разрушил сотню городов и взглянул на него, Небо. Оно не стало ниже, не стало покорней, а осталось всё столь же красивым и добрым, сколько крови ни видела пролитой, сколько жизней не видела загубленных... И остановился этот полководец, сказал: «Нет смысла в наших войнах. Нет смысла в наших тёмных сердцах, что покоряли мир, убивая всех. По покорны сами Земле, потому что мы её дети».

– Может, так и не было никогда – подумала Маша, подняв голову вверх, лицом к Небу, – но оно прекрасно... Может, они не проводили десятки лет в шахте и привыкли к Нему... Всё равно это не уменьшает его красоты. Это не пища, которой можно наесться, это бесконечно, как любовь.

Она вспомнила свою аналогию: любовь и искусство. И правда, это так похоже... Почему нравятся стихи Есенина? Не знаю, просто нравятся... Почему любишь кого-то? Не знаю, просто люблю... И как объединяет это красота. Нравится, потому что красиво. Любишь, потому что красиво... И это красиво где-то внутри и только для себя. Мне нравится, а ему нет. Я люблю его, а другие нет.

После этих слов Маше дышалось легче. Как Солнце дышит огнём, так и мы дышим красотой, в любви и в искусстве... И не совсем прав был Достоевский, когда говорил,

что «красота спасёт мир». Это не так. Она уже это делает, уже «спасает мир». И пусть даже не останавливала кровавых полководцев, на питала жизнью умы людей. Чтобы они видели красоту, чтобы они останавливали своих полководцев, чтобы было кому любоваться Небом.

«Это гром вдали прогремел,
И опять кругом всё спокойно...
Всё лежит в тишине ночной»

Кто-то пел её эту песню давным-давно. А так разговаривала с нами Природа, вся вместе, вся добрая наша Земля. Показывает, что она над нами, что она выше нас. Что она любит нас... Иначе она не была бы такой красивой, такой ласковой к нам. И мы пьём её воду, едим её пищу, дышим её воздухом, греемся её огнём. И не можем прожить без неё, как и она не может прожить без своих детей. И любим мы её такой, какой видели при рождении. То место становится родным.

Земля ведь большая и разная. И в ней начало души.
Дома так красиво. Как искусство. Как Любовь.
Красиво.

Маша думала об этом слове из-за ребёнка. Вот он родится совсем скоро. Ребёнок её и мужа. И он так будет похож на любимого. И он станет ближе, хотя бы на шаг. И появится кто-то, из-за кого можно жить...

Паук – Префект

Комната №113 циркуляра 18Б.

Дмитрий передал Принхру, что там его будут ждать те, кто заинтересован эсчекистами не меньше его. Он сказал, что это церковь.

Всё темно, и пахнет человеком.

Захлопнулась дверь и чум замер. На месте. Чтобы слушать того, кто зайдёт после него. Ровно через два часа. Ему казалось достаточным этого времени, чтобы быть здесь раньше того, кто хочешь его подставить. Именно так он думал: «Кто станет передавать такие вещи через людей? Либо люди, но это им незачем, либо тот, кому больше здесь не на кого положиться. А это СЧК».

Даже людей он ненавидел меньше эсчекистов. Тех он просто считал скотом, приносящим пользу. Но эсчекист даже не находил себе слова. Расстреливают и своих и чужих. А людям вон устроили «особые условия». Теперь хотят и его поймать, обвинить в какой-нибудь ерунде и отправить в лагерь. Чумной лагерь, охраняемый теми же самими эсчекистами.

А сейчас есть возможность подловить одного такого. Поговорить с ним, поиграть и убить. За этим он пришёл сюда – убить...

Острый как край Земли. Стальной как префект. Опасный как яд. Нож лезвием лёг на его горло. Рукоять с рукой не

виднелась, как и стоящий сзади. Принхр заледенел.

– Ши узы ка са-да (Полагаю, мы достаточно подождали?)
– шёпотом сказал Тихомиров на чумном языке.

– Сок туже? (Кто Вы?) – спросил чум. Убивать уже не хотелось, хотелось не быть дураком в следующий раз.

– Ку Тобим (Служба Чёрного Камня)

– Дох тим туже (Что Вы хотите?)

– Шак тим шиной вик. Косба. Штур... Чвой тих туц? (Я хочу убить тебя. Не могу. Нужен... Окажешь нам услугу) – это не звучало как вопрос, будто и выбор-то невозможен.

Один раз сделать и уйти – вот, как он думал.

– Щух (Да)

– Вик жа зхир вак ду Кожах и зама Торквесзим. (Ты должен узнать, что здесь может интересовать Церковь и особенно Инквизицию)

– Торквесзим? (Инквизицию?)

Лезвие сдвинулось с места, поранив чума.

– Иту за ба (Можешь остаться здесь)

– Щун. Шак три-ду (Нет. Я сделаю это)

– Та туби такон. Лэя шрок (Приходи сюда ровно через месяц. Оставишь записку)

Прошла секунда.

– Бу жуша? (Всё понятно?)

– Щух (Да)

– Точ (Хорошо) – шепнул Тихомирова и стукнул ему в спину, что было сил. Чум повалился на пол, потеряв созна-

ние.

Кабинет Префекта.

Даже просто смотреть на него уже было не так легко без какого-то разрешения. И так подумал Тихомирова. Что уж об этом думали другие – можно было только догадываться. Префект излучал силу и целеустремлённость одним своим взглядом. Один его взгляд, видимо, способен был проломить дыру в бетонной стене. И этим взглядом сейчас он смотрел на свои бумаги. В них что-то было, что нельзя было знать никому, но этим чем-то он собирался сейчас поделиться.

– Присаживайся. – сказал Гора. – Нам тут долго сидеть.

Тихомиров присел и сделал некое волевое усилие, чтобы не смотреть на то, что лежит на столе.

– На, взгляни на это. – Гора протянул несколько бумаг. – Документ от Шинхра.

Большинство было на чумном языке, но попадались и на русском. Как, например, эта копия доклада от позывного «Койот» в СЧК:

«Секретно. Рапорт о поддержке имперской армии возле города Кременчуг.

Начальнику СЧК Восточно-Славянской колонны Закинхру.

Докладываю, что наша группировка в составе 28-о полка Хиви оказала огневую поддержку имперской армии, а также осуществила боевой прорыв посредством использова-

ния трёх имеющихся танков Т-95, оснащённых системами КАЗ.

Несмотря на полученные потери, 28-й полк смог в заданное время занять позиции, указанные в путевом листе.

Информация, переданная по зашифрованным каналам «Десна» оказалась в точности верной.

Потери 28-го полка: 137 человек убитыми, 228 ранеными, 8 единиц бронетехники, включая 1 шт. Т-95.

Оценка действий имперской армии: без нашей поддержки успеха бы не имели. Действовали неслаженно и с нарушением боевого порядка.

Подпись: командир 28-го полка Койот».

Префекту показалось очень интересным, что работа всего одного информатора среди маки имеет такой успех, и более того, постоянно подчёркивается его значимость даже в подобного рода документов.

Более того, интерес вызывало то, что в этом документе, написанном на русском языке, очевидно имелось в виду участие боевого формирования людей на стороне чумов в прямом столкновении. Он уже видел несколько упоминаний слова «Хиви», но это было первое, где они действовали, как некая самостоятельная сила. И было сложно поверить, что некое подразделение людей в нынешних условиях может прикрывать имперскую армию чумов, да ещё используя тяжёлое вооружение.

Тихомиров дочитал.

– Ну и что думаешь? – спросил префект.

– Первое. Есть люди, которые во всю воют за чумов. Причём, в данном случае, успешнее самих чумов. Второе. Информатор явно очень ценен для них. И, третье. Они называют его «каналом Десна», а это значит, что у них он там явно не один.

– Да. Всё верно. И нам надо помочь маки его найти... А если не выйдет помочь, то хотя бы показать, что мы помогали... – Гора протянул бумаги. – Это список наших четырёх сом всего нашего сектора «Диза».

Тихомиров взял бумаги и стал вглядываться в текст: «А что мы ищем?»

– Тот предатель, что стучит о маки чумам. Из Отряда 14. Он стучит ради кого-то из них. Есть версия, что он стучит, чтобы смягчить условия для кого-то... Глупо, конечно. Но что только люди ни делают ради родных...

Тихомиров ещё раз взглянул на бумаги, потом на префекта, потом снова на бумаги и вновь на префекта: «Я так вижу, что Вы никого интересного среди них не нашли».

– Верно. Чертовски верно. Я не нашёл никого, ради кого кто-то мог стучать из маки... Понятно, что никакие условия чумы не улучшат. Но, может быть, хотя бы не должны были бы их трогать... Но ничего не сходится. Между тем, кто убежал к маки, и тем, кто остался, нет никакой связи. У нас убежало к маки не так много за последние 10 лет... А этот перебежчик явно очень нужен был чумам. И уж точно, что

они не допустили бы, так это, чтобы те, ради кого он стучит, сбежали бы тоже... А это значит, что они должны были бы находиться в изоляторе, в довесок к ещё остальным. Чтоб не посеять сомнения... А среди тех, кто в изоляторе, ни у кого никто не сбежал. Вообще ни у кого... Где-то должна быть связь. Но я не могу её найти...

– А среди мёртвых Вы смотрели?

Гора застыл во взгляде. Точно... Мёртвый же ведь не сбежит. И особые условия ему гарантированы. Они стали на пару копаться во всех архивных записях, где отмечались погибшие за последние полгода и сравнивать их с теми, кто за последние полгода убежал. Нашёлся один вариант – Алексей Раньеров.

Гора помнил его. Весьма крепкий, сильный и лихой тип со скользким характером. Он убежал 4 месяца назад, оставив здесь обоих родителей. А спустя месяц, его родителей не стало. Разумеется, об этом он не мог знать, но и представить, как он может выгораживать родителей перед чумами тоже было странно. Он был явным эгоистом. Такому обычно плевать на всех кроме себя. Хотя кто знает, может, какая-то совесть именно по этой причине и проснулась.

Они стали искать дальше. За один и за полтора года назад. И снова ничего. Пока оставался один Раньеров. Он вспомнился ещё раз. Как-то Гора слышал, как тот говорил его сыну Рафаилу, что у людей нет шансов перед чумами, что люди вообще не достойны того, чтобы жить как-то нормально.

И что вообще чумы ещё шадят людей, уступая место их ничтожности. Мол, справедливости ради, у людей должны быть куда более худшие условия. И что вообще надо быть благодарным тому, что жизнь не такая сложная, как могла быть.

Всё это слушать ещё тогда было отвратительно. И складывалось впечатление, что Раньеров чуть ли ни питается горем других людей. Играет на нервах, сеет сомнения, и так словно сбрасывает напряжение с себя самого. Не было сомнений, что в случае чего он без зазрения совести будет стучать кому угодно, но это вовсе не означало, что именно он и есть тот самый информатор. А отправь они в сторону маки непроверенную информацию, и настоящий стукач останется на свободе. И более того, его ещё сложнее будет выявить. Надо копать дальше.

За полтора года назад тоже ничего не нашлось. Складывалось впечатление, что люди убегали с шахты только в том случае, если на шахте у них никого не осталось. Либо не убегали вовсе. Может быть, это и правда Раньеров. Других кандидатов не вырисовывается. И в конце концов стучать ради близких необязательно, можно ведь стучать и просто ради своего удовольствия... Люди иногда делают такие вещи, даже без явной выгоды для себя. Просто, чтобы другим было хуже, словно облегчая ситуацию для себя. Как будто при этом для них будет уготовано запасное место на всякий случай... И всё равно, доказательства вины Раньерова были пока только надуманные...

А если не сдать маки никого, то они могут и подумать, что мы кого-то покрываем. Или что не хотим искать совсем.

– Ваня. – сказал префект. – Пиши записку для маки... По нашей информации Раньеров – предатель.

Живенко

Широкие поля незалежной Украины. Такие же леса и реки. Город Харьков среди всего.

Совсем недавно ставший штрафником Миша Живенко обедал у Наташи. Теперь каждый раз только у неё – никто теперь не знает, когда удастся свидеться и удастся ли вообще. И неважно, что есть, лишь бы она была рядом. В её глазах горел такой свет, который был ярче солнечного, который больше нигде нельзя было увидеть.

После того, как он доел, они как-то естественно остановились на глазах друг друга. Она моя – он мой. А потом сидели обнявшись, поглаживая и целуя друг друга, наверно, больше часа, забыв про время и про всё, что может помешать им быть вместе, пока не закрипела дверь.

Вроде бы ничего особенного: обычных звук, и всё привычно... Но на самом деле это кто-то пришёл, и не ошибся домом.

Миша нехотя обернулся назад, к входу – Болотников. Всё вернулось назад: и реальность, и грусть на душе. Почему-то здесь не так, как хочется.

Только Наташа тут ни при чём. Ей незачем знать подробности: пусть думает, что её любимый тот же воин, что и раньше, только уже не совсем законный и наравне с другими. Пусть думает, как раньше.

Ручьёв ещё давно рассказывал Мише о том, что значит быть штрафником, что иногда придётся делать, и не потому что есть «неписанный кодекс» или что-то в этом роде, не потому что Хмельницкий всего раз ошибся, и инициировал создание штрафного батальона, а потому что всегда, в первую очередь, дела прежде всего в тебе самом: «Не будь мягче врага. Будь таким же жестоким как враг. А со временем стань безжалостным. Чтобы сломать врага. Потому что ты будешь думать только о том, чтобы опередить его, и будешь делать потому всего в разы больше него... Не имеет значения, сколько времени на подготовку тратит противник, имеет значение только тратишь ты на свою подготовку 8 часов или 14...»

– Для того, чтобы стать хорошим воином, – говорил Са-ша. – достаточно отбросить всемысли во время боя. Для того, чтобы стать лишь правильным штрафником надо ещё до боя стать зверем. Не просто очистить мозг, а забыть о его существовании как о центре управления. Почувствовать инстинкт и зажать его. Сделать из инстинкта своё волевой стальной меч, движущийся к цели.

Миша не хотел всего этого для Наташи. Она ведь умная: только услышит два-три слова и всё сразу поймёт. А так хочется, чтобы она любила просто мужчину, который хочет остаться живым из-за того, что есть она.

– Майор, давай на улице – попросил Миша.

Серёга понимающе кивнул. Наташа чуть выдохнула и,

нежно протянув руку, поправила любимому воротник, который и без того выглядел нормально. Это очень интересная черта в женщинах. Им всегда надо поправить что-то на тех, кого они любят: одежду, причёску, что угодно, но обязательно поправить. И можно включать любые способы осмысления, но ты не поймёшь, почему это что-то после её прикосновения стало другим, при том что ты на все 100 уверен, что оно другим не стало.

И дело же ведь вовсе не в том, что там что-то стало выглядеть по-другому, а в том, что она прикоснулась; что она смотрит, что может быть не так на её любимом и исправит это. Причём это как-то одинаково выражается как по отношению к мужу, так и к ребёнку. Конечно, движения разные, но они одни и те же по своей сути, они одинаково нежные и ласковые.

Может, потому что жена смотрит и за своим мужем, так же как за своим ребёнком, может нет, но всегда чувствуется, что значит для неё любить их обоих.

– Я сейчас, Наташ. Пара минут. – пообещал Миша.

На улице дул ветер, но холодно не было. И несколько тучек выглядывали из-за горизонта, не пугая дождём, но чуть заслоня Солнце. Уже вечер, но не темно.

– Сегодня ночью. – начал Болотников. – ты выходишь. С тобой ещё шестеро.

– Уже назначены?

– Только двое. Остальных выбери сам. Задача: перехва-

тить одного важного чума. Он из СЧК. Зовут Танхром. Его перевозят из Чугуева в Коченок рано утром. – Серёга протянул карту. – Мы знаем только один участок маршрута, так что выбирать место атаки не придётся. Схема отхода там да-на.

– Что значит его перевозят? Он в заключении что ли?

– Да.

– Его надо только доставить живым. – звучало как утверждение, являясь вопросом.

– Да.

– Может, по дороге спросить у него что-нибудь?

– Нет. Только доставить.

– А если смертельно ранят или убьют?

– Раненый – для нас тот же живой. А вот, если убьют. То смотря, кто. Если чумы его – то может и повезёт... А вот если мы, то можно считать, что наша партия окончена. С другой стороны, как ты будешь доказывать, что его убили свои... Нет. В любом случае, если ты привезёшь труп, то наша партия кончена.

– Прямо так сразу?

Серёга рассмеялся. Было видно, что он совершенно в другом настрое и вообще всё кругом воспринимает очень скептически.

– Да нас не пришили, наверно, только потому что жалко патронов. А голыми руками нас не возьмёшь.

– Что всё так плохо?

– Блять, Зубков прибрал к рукам всё, что плохо и хорошо лежало. Такой крысы я в жизни не видел... Впрочем, моё мнение, наверно, субъективно. – майор отвернулся и потрогал левой рукой свой затылок, там была всё ещё свежая шишка от недавнего удара прикладом на площади.

Любимой Миша сказал, что у него задание, и что в следующий раз они увидятся уже в другом городе, в каком он не знает, но увидятся точно. Они поцеловались и обнялись.

– Что бы с тобой ни случилось, я буду любить тебя. – пообещала Наташа. От самого сердца.

Ночь. Степь. Топот копыт. Семь лошадей, семь всадников.

Впереди Живенко. За ним его заместитель Дима Мерецков. За последние два боя в Диме многое изменилось: во-первых, абсолютно перестал бояться смерти, во-вторых, нажил себе более тонкое чувство юмора. Он говорил, что, когда видишь подавляющее превосходство чумов в численности – так, что нет места на поле, куда бы добрался хоть один солнечный луч – появляется какое-то странное чувство гордости за себя, что «ты не бежишь, а держишься за землю, которую тебе вверено отстоять и делаешь это не пока закончатся патроны, а пока не прикажут отступить». Лицо его тоже изменилось: покрылось морщинами и глубокими складками; глаза помрачнели, а голос помягчел как у пожилого дедуш-

ки, живущего в дремучем лесу и радостного оттого каждому гостю. И всё это не смотря на его двадцать три года.

– Миш, а тебе сказали, сколько их будет? – спросил Дима, но под топот копыт это прозвучало настолько тихо, что Мише пришлось ещё полминуты разбирать каждую составляющую по отдельности, и в результате получилось: «А тебе по сказаньям, сколько будет?»

– По каким сказаньям? – спросил Миша.

– Тебе это ещё в разных вариациях пояснили? Давай хоть какую-нибудь.

– Я ни хрена не понимаю... Мне тридцать три.

Дима расхохотался.

– Лихой какой! У тебя такая девушка, а ты весь в боях. Проводи время с ней, а врагов оставь нам.

– Дим, каких врагов?

– Зелёных и клыкастых. Нам ведь тоже нужно воевать.

– И что с ними? С врагами твоими?

– Миш. Говорю сначала. Сколько их будет?

– А. Вот оно что... Не знаю. Самому интересно.

– Поделись хоть своими мыслями... Я краем уха слышал об Инквизиции... Могу сказать, они в одиночку не ходят...

– Сейчас никто так не ходит.

– Это да. Но их «неодиночка» несколько отличается от всех остальных им подобным.

– И намного?

– Увидишь, в общем...

– Здорово. Называется «кто кого спрашивал».

Дима снова расхохотался. Можно позволить подчинённым такое, когда знаешь, что сегодня же ты можешь увидеть его уже мёртвым с пулей во лбу. И не его одного...

Ещё до наступления рассвета добрались до места.

Текла река Великий Бурлук. У берега возвышенность, резко обрывающаяся к воде. Слева от пригорка степь, справа лес. Сосновый, высокий. У кромки леса ещё один пригорок, но совсем небольшой.

Дорога – две протоптанные колеи – вдоль воды, только огибает возвышенность, и идёт дальше уже между рекой и лесом.

– И скольких мы здесь одолеем? – риторически спросил Дима.

Никто не ответил.

– Есть идея. – Миша осматривал местность и, казалось, уже видел утро. – Мы атакуем двумя группами по краям малого пригорка. В этот момент они будут на повороте. В степь не отступить, дальше по дороге – тоже бесполезно. Единственная возможность для них остаться в живых – это забраться на возвышенность.

– Нуда. Это удобно. – согласился Дима. – Ты рассчитываешь, что в этот момент пленник сам к нам побежит?

– Было бы хорошо, конечно. Но стоит ли на такое рассчитывать?

– Другого плана всё равно нет. – Дима сжал губы и под-

бородок и серьёзным видом покачал головой.

Миша улыбнулся.

– Это не всё... Паш, поди сюда.

Подошёл Паша Вилко, не очень опытный, но весьма способный.

– Заминируй вершину пригорка. Взрыватель дистанционный. Направленность фокуса на 10 часов.

– Миш, у меня предложение. – вмешался Дима. – Давай найдём чума. Неинквизитора неодиначку. И дадим ему нажать на кнопку.

– Согласен. – пошутил в ответ Миша. – Все За?

Паша поднял руку: «Я против».

– Почему?

– На пульте нет кнопок. Только тумблеры.

– Обидно как... – вывел Дима и отошёл в сторону.

Рассвет. Солнышко медленно поднимается. Сначала Небо, потом Земля становятся светлее. Видны слоистые облака, покрывавшие ночью всё и не давая увидеть звёзды. Видны и лес, и степь, и реку, бурлящую, не переставая.

– Красиво, да? – сказал Дима. Всю ночь он молчал и чистил оружие. АКСУ-74. С этим автоматом он прошёл столько, сколько прошёл. Как-то даже называл его, или вернее её. Но как, никто не слышал. Знали только, что это женское имя.

– Красиво. – ответил Миша, также молчавший всю ночь, но не чистя автомат, а думая о любимой.

– Знаешь, я только недавно стал понимать, что оно для меня значит...

– Кто оно?

– Солнце. Раньше я воспринимал его как некий закон, которому суждено повторяться вечно. А потом понял, что этот закон вовсе не закон, а сила, которая настолько велика, что мы просто не можем представить себе того, кто смог бы не действовать по её правилам. Я понял, почему я считал её законом.

– И что тебе это дало?

– Другой взгляд на жизнь. Теперь у меня другое понимание того, что должно, и что не должно произойти. Солнце над нами. Оно решает это. А мы здесь за другим.

– Чем другим?

– Оно просто смотрит, как мы будем поступать. Ему не важно: выиграем мы или проиграем. Ответ на этот вопрос оно уже знает... Ему важно, как мы это сделаем, какие усилия приложим, как будем стараться...

– Мне нравится твоя философия. И знаешь что? Я её при-
му.

– Из-за Наташи? Чтоб всегда быть вместе? Неважно, что случится, но вы будете вместе, потому что Солнце так ска-
зало?

– Да.

– Ну, ты молодец. Умеешь выбирать сторону... Практич-
но...

Миша улыбнулся.

– Я тебе ещё помогу. Вы и правда классно смотрите вместе. Так что можешь не волноваться.

– Спасибо.

Издали со стороны дороги запылило – едут.

– Приготовиться! – негромко крикнул Миша назад.

Спустя буквально минуту показались чумы. В своей спецодежде с защитой от Солнца. Чумы на лошадях: где такое раньше можно было увидеть? Колонна длинная: на двадцать с лишним всадников, один, посередине, связан.

Все в чёрном, кроме связанного, а тот, что рядом с ним – в едко-жёлтом с изображёнными кругами, несимметричными, то есть, в общем-то, не совсем кругами, и, конечно, клыками. Одежда – не мантия, а что-то вроде камзола, причём многоярусного. На шее в длинной цепи из прямоугольных звеньев – камень, весь чёрный и так, что свет не отражает. И голова, конечно, вся закрыли стальным шлемом с забралом.

– Время пришло. – подумал Миша, и тут же кто надо из его отряда выстрелил гранатомётом по колонне – пошёл кинжальный огонь.

Передних троих перевернуло, обсыпав вокруг землёй. Кто пытался отстреливаться, то тут же падал. Все, кто мог, рванули на пригорок.

Стрелять в спину не очень-то прилично, но кто думаешь о приличии на войне? Тем более, что изначально враг стоял лицом. Пока лошади топали по поднимающемуся грунту, где

дорога ещё проходила перед возвышенностью, чумы сваливались на землю. Потом склон. Главный Инквизитор схватил ещё одну лошадь, уже с мёртвым чумом в седле, и стал прикрывать её пленника.

Настала пора чуть выступить из леса – штрафники пошли вперёд. Выйдя с обеих сторон от холмика и подойдя к дороге, Миша крикнул: «Подрывай!»

Прогремел взрыв: с верхушки подлетели несколько горсток земли, лошади с чумами попадали под откос. Только главный, взяв за узды лошадь пленного, рванул в степь. Миша побежал обратно в лес к своей лошади.

Ещё пара секунд, и он преследует их.

Солнце уже палит. Чёрная как ночь земля вместе с желтоватой травой вылетают из-под копыт. Пыль, косым столбом отходящая в сторону, и чум иногда отстреливающийся назад, но никак неспособный оторваться.

В очередной раз увернувшись, Миша прицелился. И тут очередь из трёх выстрелов, откуда-то сзади. Инквизитор слетел с седла в сторону и, опрокинув назад ноги, остался прицепленным к лошади. Стрелял Дима.

Он же подцепил уздечку лошади пленного и небыстро поскакал по степи. Остальные здесь же на лошадях.

Миша решил проверить, что скрывается под маской инквизитора. Отличаются ли они обычных чумов. И сильно ли. И, может, ещё что... Он аккуратно слез с лошади. Вокруг стало дуть ещё сильнее, и этот ветер колыхал из стороны в

сторону одежду чума даже при том, что он уже лежал на земле недвижно.

Это был не чум. Когда Миша снял с него балаклаву, внутри обнаружилось лицо обычного человека. Такого же как он сам. Даже примерно с такими же славянскими чертами. С закрытыми глазами, спокойным, уже умиротворённым лицом, человеческим лицом.

Миша огляделся по сторонам и тут же прикрыл обратно голову врага балаклавой. Это просто невозможно. Они только что убили людей... Может, это маки из другого отряда? Может, они просто замаскировались под чумов, чтобы вывести пленного? Потому у них у всех форма с этим клыком? Но не вяжется такая версия. Они же видели, кто на них напал... Даже если бы их что-то проглючило, и они стали отстреливаться на автомате, всё равно бы до этого не дошло. Они бы просигнализировали, что сдаются, или ещё что-то... А они дрались до последнего. Да и пленного чума собой прикрывали...

Миша рванул в к пленном и мигом сорвал с его головы мешок... Израненное, замученное лицо человека. Опять не чума, а человека... И он зачем-то нужен был этим людям.

– Мы взяли пленного человека – рядом с удивлённым взглядом стоял Дима. – Бред какой-то...

– Не бред это, Дима... А пиздец полный...

Скакали всё утро. Не останавливаясь и почти не перехо-

дя на шаг. Да и останавливаться-то смысла н ебло – кругом только степь, лошадей не попоишь.

Место встречи было в 17 километрах к востоку от Харькова: «голая», а, может, наоборот – «расцветшая» степь. Кто знает, как правильнее её называть, когда она не рождает из семян зерно, растёт сама по себе. Любой земледелец скажет, что Бог для того и сделал чернозём плодородным, чтобы кормить людей, иначе зачем он тогда вообще дал возможность людям выращивать хоть что-то. Мало кто будет отрицать это, но и согласятся немногие.

Штрафников встречали другие штрафники – их командиры. Болотников и Хмельницкий. Один на чёрной лошади, другой – на белой. Один хмурый, другой спокойный. Но оба довольные встрече.

– Точно не перепутали? – ещё на подходе крикнул бывший Главнокомандующий.

– Может, и перепутали. – чуть скептически ответил Миша. – Перепутали – вернёмся, заберём, кого надо.

Виктор кивнул и забрал уздечку пленной лошади у Димы: сам пленник до сих пор и не думал сопротивляться, тем более потому что помимо верёвок на руках, его сковывали ещё мешок на голове, такого же едко-жёлтого цвета, как и одежда инквизитора.

– Хорошо... Поехали. – кивнул Хмельницкий и двинулся первым.

Все последовали за ним, только Миша и Серёга, заметя

внимание друг у друга в глазах, остались на месте. Прошла минута, и вокруг никого.

– Тебя Наташа ждёт. – прекратил паузу Серёга.

– Я просто не понимаю...

Со сторон поддувал ветер, развивая травушку, которой от этого казалось только больше, разгоняя облака, которые при этом, скорее, сгущались.

– Давай быстрее спрашивай и поехали.

– Блять, куда поехали?! Мы с людьми воюем?! Со своими же???

– Тссс... Тихо ты... Я всё понимаю. Но тебе что-то помешало. Так ведь...

– Да нихуя не так! Я видел это. Видел своими глазами. Как они прикрывали этого пленного сначала сами... Даже собой прикрывали... Я никогда не видел, чтобы чумы кого-то так прикрывали... А потом я рассматриваю эти трупы, и вижу, что это не чумы вовсе! И не чума они прикрывали, а человека тоже! Это что за пиздец блять?!

– Спокойно. – Серёга стал говорить совсем серьёзным тоном. – Я тоже раньше многого не знал. И это правда легче...

– Легче? Легче, блять?! Нам всегда говорили, что есть люди, которые помогают чумам. Да. Есть. Но их всего ничего, и те только стучат... А это что? Целый отряд, вооружённый до зубов! И как воюют. Как черти воюют! В плен не возьмёшь ни одного.

– Конечно, не возьмёшь... Они ж ведь знают, что с ними

сделают в этом плену...

– Так ты всё знал это... Знал и молчал значит...

– Все молчат, кто это знает... Приходится молчать. – Серёга посмотрел на Мишу с очень прямым и несколько печальным взглядом. – Приходится, Миш.

– И сколько же их? Сколько вообще чумов, а сколько других людей воюет с нами?

– Много. Много людей, Миш. Гораздо больше, чем чумов... Мы зовём их «Хиви».

– Хиви, блять... Хуи!

– Ну хочешь – хуи. Никто явно не будет против... Но этих хиви куда больше, чем чумов...

Кошкина

Печенежское водохранилище. Старый Салтов. Новый лагерь отряда 14.

Седьмое санитарное отделение, где служила Наташа Кошкина, находилось в девятиэтажном бетонном доме, расположенным у самого берега. Из окна виднелось всё водохранилище и особенно хорошо – лунная дорожка, исчезнувшая пять часов назад.

Всю ночь они возились с каким-то солдатом. Который напившись, неизвестно каким образом сломал себе ногу, причём открытым переломом. Орал он так, будто его не то что не лечат, а прямо-таки истязают. И кровью всё испачкал, и уши все прокричал. Да ещё поди пойми, как ему так больно, при таком-то опьянении.

Потом, само собой, пришла администрация со спецназом. Начала орать на него – дознали, что он из отделения Раньерова. Этого показалось мало: вызвали Раньерова, почему-то не к себе, а прямо в госпиталь. Он тоже оказался пьяным; правда не так сильно и не со сломанной ногой. Поорали на него. Когда этого показалось мало, послали за подмогой. Доктор Шварценберг понял, что «всех святых уже вынесли», и прогнал и администрацию, и спецназ, а потом и «подмогу». С ним никто не хотел спросить – такой врач всегда хозяин на своём месте. Ему же всех лечить: и бродяг, и царей.

– Иди, Наташ, поспи. – сказал Шварценберг, когда почти рассвело. – Я один управлюсь. Как он мог стоять на ногах после 30-километрового перехода, целого дня и этой ночи, в которую «прошлись по всем сторонам жизни», осталось непонятным, но для самого Шварценберга в этом не было ничего особенного.

На улице стояли и, вместо того, чтобы расходиться, общались медсёстры, совсем молодые, не старше восемнадцати.

Наташа, чуть улыбнувшись, махнула им рукой и пошла к своему дому. Всю ночь, пока все ругались вокруг, она думала о Мише, и сейчас ей хотелось прийти домой, поспать и быть разбуженной им.

Больше ничего не интересовало.

Но нет.

Этим девчонкам понадобилось орать на всю улицу о том, что их интересует. Утро, после ночи, когда разбирали эпизод с пьющими и то, откуда они это взяли... И у них остались силы, чтобы что-то обсуждать.

Обсуждали они, конечно, парней. Вот только не их качества, вроде «не реагирует на то», «холодно относятся к этому», «не понимает вот этого». Нет, совершенно не это, а то, кто красивее. Мало того, это был критерий отбора для того, чтобы вместе не просто встречаться, а прям жить. Они, в общем-то, не разбирали, как это вообще: жить вместе? «Красивый» – вместе жить хорошо? Или вообще быть вместе? А что а этим стоит, то есть большая часть совместного время

препровождения, как-то не подразумевается. Может, он будет гулять где-то на стороне в свободное время, говоря дома, что у него свободного времени нет. Может, будет ругаться из-за всего, что под руку попадётся, и выставлять её виноватой. Может, никогда не поддержит, когда это понадобится, если вообще не столкнёт с правильного пути. В этом как-то поможет то, что он «красивый»?

Эти вопросы у них и вовсе не упоминались. И само по себе понимание любви и отношений не проскальзывало. Как будто чувства любви, уважения и помощи в отношении между девушкой и молодым человеком роли не играют. Как будто все встречаются друг с другом по мере красоты – кто насколько потянет по баллам.

Наташа плюнула на всю эту их чушь отношения к жизни и забыла бы, но нет. Это её касалось, ведь ещё пять лет назад она думала так же. И своей красотой она соблазняла столько, что и посчитать сейчас не могла. Теперь было обидно, а главное как-то стыдно за это. За ту себя тогдашнюю.

– Надо было и мне быть такой дурой. – думала Наташа, отдалившись от госпиталя и не слышав и забыв уже про тех медсестёр, а думая лишь о своём прошлом. – Трахаться с каждым, кто хоть сколько-нибудь понравился... Даже не думая об отношениях. Даже не думая на ком-то остановиться. Просто пробуя всех подряд. Как это глупо. И бестолково! Эта юношеская распушенность... Ведь кто-то же мог любить её, а не просто желать. И уж им хоть можно было не разби-

вать сердце, раз не так было важно на ком-то останавливаться... Почему Бог не мог сделать так, чтобы мы не делали этих глупостей, чтобы не было этой грязи за спиной, когда вспоминаешь себя, и ощущаешь какой-то сукой, которая не думала о последствиях того, что делала...

Наташа подняла глаза к Небу: облака, кучевые и каждый раз, как на них ни посмотришь, разные; небеса – громоздкий голубоватый небесный свод, могучий и всесильный.

– Красиво. – говорило облако свысока.

– И ты красива. – говорил внутренний голос девушке.

– Непорочно. – продолжало облако.

Но внутри никто не говорил – внутри говорят только то, в чём уверены.

Наташа остановилась, опустив голову. Косичка, чёрная как безлунная ночь, теперь только кончиками волос падали на шею, изгибом держась чуть выше. Упругие и крепкие волосы, они красивы, но в них чего-то не хватает.

Договорило облако, но по-старославянски: «Девка погубляет свою красоту блуднею, а муж свою честь татбою».

– Я знаю уже всё это! – закричала на них Наташа. – Если вы все веками знаете это, почему не скажете сразу?!... Зачем всем это знать слишком поздно!

Вернувшись в свой дом, Наташа обнаружила, что ждать ничуть не придётся – Миша вернулся. Он спал, не сняв даже с себя сапог, и дыхание его было настолько тяжело, что, ка-

залось, хватало весь ходящий по комнате воздух.

Наташа присела рядом. И стало так хорошо. Он рядом, живой. О чём тут можно было вообще думать? Он живой!

И как не хочется его терять! А вдруг он не сможет даже смотреть ей в глаза после того, как услышит всё это? Вдруг совсем не поймёт? Терять его из-за такой глупости?!

Она легла рядом, прижалась к нему. И закрыла глаза.

Накопилось столько усталости, что сон пришёл почти сразу.

Гром и молния. Дождь повсюду. И лес, такой дремучий, что ни капли почти не капают, ни даже не сверкает с Неба.

И даже непонятно, как может она идти сквозь листву, не видя дороги и не видя конца пути. И не зная, что там будет, в конце пути. Ещё один такой лес? Или ещё одна такая гроза? Только дремучее и темнее.

Где-то глубоко внутри желание идти. Причём не важно куда, хоть по кругу, важно как. И ноги несут её то ли вперёд, то ли назад. Мимо деревьев, не спотыкаясь и не останавливаясь ни на шаг.

И время идёт. И начинает казаться, что это не лес вовсе, а тысяча, «тьма» воинов, замеревшая в какой-то момент. А гром – это бой, который гремит в их душах и настолько сильно, что услышать его можно только после того, как он отразится от небес. И становится страшно от того, что можешь услышать в следующий миг, ведь ты знаешь, то, что ты услышишь, уже произошло, а то, что сейчас не увидеть – слышишь.

ком темно.

И страх этот хватается Наташу, он твердит ей, что она всё время будет в прошлом, всё время будет слышать только то, что уже прошло. Но это не останавливает её, она стремится дальше – только двигаться; встанешь и не сдвинешься, потому что страх овладеет тобой.

Со временем она начинает слышать их шептание, шептание воинов. Наташа чувствует между ними разницу, чувствует: один – свет, другие – тьма, но так темно, что не различить, кто есть кто. И шепчутся они по-разному, каждый на своём языке, но такое впечатление, что понимают друг друга. Она не понимает их, но четко различает среди слов одно – «Наташа».

И тут где-то вдалеке. Непонятно, как это видно сквозь столько темноты, но видно. Как двое, точно разных, но внешне не отличить друг от друга, воина подходят, то ли справа и слева, то ли спереди и сзади – к середине. Они не лидеры этих армий, но высокого ранга.

И объявляют от своих сил.

Один: «Партуху».

Другой: «Портуди».

И вздох, глаза открылись. Наташа проснулась, вздрогнув. Рядом лежал Миша.

– Да о чём же?. – совсем неслышно сказала Наташа. – О чём они там торгуются?

Митрополит

Гузох не первый раз лично был в расположении колонны, где добывали ресурсы. По должности ему полагалось бывать здесь куда чаще, но мнение, что сверху видно лучше иногда превалировало в его мыслях. И с каждым новым появлением, это происходило всё сильнее. Ему не хотелось видеть, что все старания Священного Сейма в области обретения правильной веры Жах приводят к результатам, на которые не очень-то хочется смотреть.

С одной стороны казалось, что люди просто подчиняются, и за их счёт чумам легче жить. Но в реальности у рядовых чумов была необходимость быть чистыми и перед имперской администрацией, и перед СЧК, и перед законами Силан-Жах, чтобы их не постигла ещё и кара священной инквизиции.

Гузох видел всё это отношение в чумах. В них не было того величия, что пропагандировалось имперской властью. Великой воли управлять другими народами или желания познавать могущество Чёрного Камня. Большинство просто боялось ударов то справа, то слева, то сзади. От разных ведомств и организаций. И во всей этой рутине большинство чумов ощущали себя ещё более ничтожными, чем люди, облечённые рабскими цепями.

Сейчас в Славянской колонне предполагалось использо-

вать негласный ресурс. То, за что отвечал Гузох – рядовые рабочие и служащие, и без того были в тяжёлых условиях, и ожидать от них чего-то объективно-разумного явно не предполагалось. Заставить их стучать в неделю покаяния на СЧК было в той же степени опрощительно, сколь и безумно.

– Вам явно никто не откажет в личном появлении. – вспомнил Гузок слова главы Сейма, прозвучавшие в адрес другого жреца-митрополита, и удручённо покачал головой. Всё это походило на какую-то простую подставу – отправить его в такое место, где уже надо ходить по углям, при том что даже в обычной ситуации, успеху появиться было неоткуда. Его просто хотят убрать с дороги, и сделать это, прикрывшись его неквалифицированной работой. А потом сказать, что мол очень жаль, но на таком месте ожидаются совсем другие результаты.

С ним было двое его подчинённых. Неторопливых в работе, но в данном случае очень подходящие. Они были верны. Своду правил Силан-Жах, а, главное, своему шефу.

Встретивший их охранник имперской армии попросил подождать, пока подойдёт офицер из СЧК, так как без его ведома пускать уже было нельзя. Вся колонна, недавно переданная в ведение СЧК, хоть и предполагала наличие армейских подразделений, но только для поддержания безопасности, и все их полномочия на это заканчивались.

Офицер из СЧК прибыл очень быстро, представился как заместитель начальника районного управления: «Вас приезд

для нас честь, жрец-митрополит Гузох. Чем мы можем быть полезны нашей вере Жах?»

Всегда от них такое. СЧК на словах самые вежливые и почтительные ко всему, что связано с Церковью. И ко всем, кто с ней связан. Но на этом всё заканчивается. Они без зазрения совести вербуют жрецов любого ранга, заставляют стучать друг на друга, а иногда и привлекать к суду по делам о госизмене, которые рассматриваются, конечно, за закрытыми дверьми и без оглашения подробностей. И хоть до уровня жреца-митрополита они пока не добирались ни разу, ничто не мешало это сделать в первый раз...

– Неделя покаяния... Мы приехали возвестить о начале недели покаяния. – ответил ему Гузох.

– Мне очень жаль, Ваше святейшество, но это невозможно.

– Невозможно?! – жрец показалось возмутительным услышать такое слово, тем более вот так с порога.

– Да, Ваше Святейшество. В прошлом месяце 120-й градус уже проводил неделю покаяния, а Вы лучше меня знаете, что в год можно проводить только две недели покаяния с промежутком не меньше, чем 100 дней... Всё же только мудрость наших патриархов в священном соблюдении веры Жах способна правильно толковать наши догмы... Для нас они непостижимы. Мы можем только верить в них...»

Гузох остолбенел. Все эти слова и сам подход регулярно практиковали в Церкви и весьма успешно. И ожидать, что

полковник из спецслужбы заговорит подобным образом во все не приходилось. Просто поразительно, как может карьеризм трансформировать и подход и способности. Но всё же. Не в этом эсчекисте дело. Патриарх безусловно знал, что происходит на месте, и что другой сектор уже проводил неделю покаяния, и явно не использовал при этом негласный ресурс. Иначе бы разговор был сейчас другой... Всё это снова пахивало подставой для него самого. Отправить туда, где нет ни возможности, ни инструментов. Его явно хотят снять с должности... Но он не затем так долго карабкался наверх, чтобы так вот просто спрыгнуть обратно вниз.

– Понимаю. – ответил жрец. – Разумеется, Вы знаете, какие результаты показала неделя покаяния?

– Мы не можем лезть в дела святой Церкви. – эсчекист улыбнулся. – Разумеется, мы запросили информацию, чтобы быть в курсе. Но получить мы её можем только с разрешения Ваших инстанций.

Он ещё издевается. И так сделал упор на слове «Ваших», как будто перед ним тот жрец, который и проводил прошлую неделю покаяния две недели назад... Интересно, а кто-то правда верит, что СЧК не в курсе этих движений?

– Полковник, Вы свято верите в свод правил Силан-Жах?

– Разумеется, мы самые преданные сторонники Церкви. И всегда готовы Вам помочь. Чем мы можем помочь святой Церкви?

Высокопарные пустые слова. Они сделают всё, что им

угодно, и ничего, что не захотят. И каждый раз найдут красивое объяснение. А потом ещё сфабрикуют какое дело против кого поудобней, чтоб напомнить о том, кто на самом деле главный.

– Найдите мне достойный рабочий кабинет. Я останусь в колонне на некоторое время... Надеюсь на Вашу полную поддержку.

– Не смею Вам отказать, Ваше Святейшество.

Болотников

Тёмный подвал и такие же тёмные мысли в нём. В комнату вошёл майор Болотников и оглядел пленного. С его головы уже сняли мешок, и теперь его глаза томно смотрели вниз перед собой. Словно ему и терять-то было нечего, словно уже и жизнь свою он потерял где-то давно.

– По-нашенски говоришь. – спросил Болотников, присев за единственный стоявший посередине комнаты стол прямо перед пленным. – Или говоришь только по-своему?

Видимо, такая постановка вопроса оказалась чем-то новым для чужака.

– Говорю, майор. Ещё как говорю.

– Отлично. – Болотников повёл бровью и, указав на себя пальцами обеих рук продолжил. – Тогда можно знакомиться. Я майор Болотников.

– Штрафной майор Болотников.

Он ожидал чего-то такого, но это было действительно удивительно. Вся эта история со штрафниками началась всего неделю назад, и даже не все из Отряда 14 ещё знали, что вообще сейчас происходит с группировкой. А выясняется, что об этом уже знает даже хиви. Темнить смысла не было, тем более, что пленник от этого свободу всё равно не получал.

– Да. Штрафной майор Болотников. Что есть, то есть.

– А чего нет – того нет.

– А чего нет – того нет. – Болотников уже понял, что его собеседник птица высокого полёта, а это значило, что узнать от него уважением можно куда больше, чем силой. Надо только правильно подходить к делу.

– Так что ты хочешь от меня узнать, штрафной майор Болотников?

Майор немного поёрзал на стуле, затем утвердительно кивнул и уверенно уставился на своего собеседника: – Имя. Звание. Почему хиви держали тебя пленным? И куда конвоировали? Для начала это.

– Имя... Да... Имя у меня было... – пленный удручённо уставился куда-то вниз, и стало понятно, что для него это большой вопрос, потому он хотел сделать упор на то, что говорит со штрафником, то есть с тем, кто тоже не имеет всей власти. – Шакал меня звали. Теперь это имя ничего не значит. Но другого у меня не было...

– Продолжай. Я тебя внимательно слушаю.

– Я сам из хиви... Был. Пока не нарушил одного правила... И везли меня, чтоб наказать за нарушение этого правила... У нас с этим строго.

О хиви было хорошо известно, что им нельзя сдавать в плен. Вообще никак и вообще никогда. Что у каждого из них всегда при себе две последних гранаты. Одна для тех, кто готовится взять тебя в плен, если уже некуда бежать. И вторая для себя, когда истратил первую. Это было одновременно и фишкой и дамокловым мечом хиви. Они и гордились

и боялись её одновременно. Гордились тем, что каждый из них всегда был готов и использовал её. И боялись того, что не знали, когда же этот момент наконец наступит, и наступит ли вообще.

– Так что же ты сам сдался в плен? И кому же?

– Чумам из СЧК.

– Чумам? Хиви сдался в плен чумам? Какой в этом смысл? – Хиви воевали рука об руку с чумами. Трудно было понять, где разграничиваются сферы их интересов, но совершенно нельзя было представить, что между ними есть такого уровня разногласия, чтобы можно было сдаться в плен.

– Мир совсем не такой, как вы думаете. – усмехнулся Шакал. – Вы, маки, привыкли к тому, что маки воюют с чумной империей, а хиви им как бы помогают, и всё тут? А мир намного более многогранный. И империя чумов, которая выглядит такой монолитной снаружи, в реальности прогнила насквозь. Там одни ведомства воюют друг с другом покруче, чем мы с вами. И, будь уверен, намного беспощаднее. И если б вы учитывали это, когда наносите свой очередной удар, то давно бы победили и нас и чумов... А вы всё воюете по старинке – видите врага, стреляете в него. Видите друга – жмёте ему руку. Да ещё так, чтоб все видели. Считаете это силой, а на самом деле это простая глупость.

Болотников достал из внешнего кармана сигареты, затем спички и закурил: – Будешь?

Шакал отрицательно покачал головой: – Я своё уже про-

курил давно.

То, что говорил этот хиви шокировало до глубины души. У них были предположения, что они делают вовсе не то, чтобы победить. Что сколько ни убивай чумов и хиви, а меньше не становилось. Становилось только больше трупов и своих и чужих, а конца этому не было видно. Было очевидно, что неверен подход, но менять его было не на что. И вот понять, что внутри чумной империи может работать против неё же, очевидно, значило найти ахиллесову пяту этой системы.

– Про какие ведомства ты говоришь? СЧК и имперская армия?

– Почти угадал. Конечно, у них свои тёрки. Но это так, на местном уровне. Им толком нечего делить. СЧК действует точно, а имперская армия масштабно и топорно. И интересы у них разные. Армия охотится за бюджетом, а СЧК за влиянием... И вот именно за влиянием охотится ещё кое-кто. Их чёртова Церковь, и особенно Инквизиция. Никто так не жаждет влияния как Инквизиция. И делить её с СЧК они не хотят. Эти две силы давно бы уничтожили друг друга, но их стиль противостояния настолько подковёрный, что когда, казалось бы, кто-то один из них перевесил, то выясняется, что у другого ещё есть скрытые силы. И всё начинается заново. Сейчас СЧК крепко держит под собой армию, администрацию и даже некоторые ветви Инквизиции. Но в отличие от СЧК у Инквизиции свои шестерёнки абсолютно везде, и в отличие от СЧК эти шестерёнки фанатично преданы сво-

ему патрону. Этому верховному патриарху, который всегда может и грехи любые отпустить и на любое дело благославить... А вот СЧК грехи не отпустит, как бы ни старались. Проблемы могут, а вот грехи нет. Только Церковь так может. И сейчас их лидер Неврох хочет куда больше, нежели раньше. Нажми вы правильно и вовремя, и от СЧК ничего не останется.

– Что ты имеешь в виду?

– Вы неплохо по ним ударили под Луганском. Что бы они там друг другу ни говорили, но это серьёзная потеря и для СЧК и для имперской армии. И этим очень хорошо воспользовался Неврох. Он выставил всё так, будто это кара от Чёрного Камня для тех, кто не следует их кодексу Силан-Жах. Что такие потери были бы невозможны, если бы души их были чисты. Что так Чёрный Камень избавился от ереси. Той ереси, что неприемлема для империи. Поверь мне, Силан-Жах куда весомее, чем любой аргумент СЧК. И они это прекрасно знают... Эти проблемы поменяли расстановку во всей колонне, и чтобы как-то прикрыться, местный шеф СЧК Закинхр передал власть людям на одной из шахт. Чтобы туда не могла проникнуть ни Церковь, ни особенно Инквизиция. Ведь людей ни к чему очищать от ереси... Ни в администрации, ни в имперской армии не поняли, к чему был этот ход, но они не были против. И это только начало. Закинхр хочет распространить этот эксперимент не только на один сектор «Диза», а на всю колонну. Он уверен, что став-

ший префектом Гора будет его послушной марионеткой. Куда ему деваться... Поверь мне, скоро вся колонна будет под руководством Горы, который на побегушках у СЧК. Здесь не будет никакой Инквизиции, и какого-то противостояния с СЧК. И тогда ты поймёшь, какие возможности вы упустили... Вместо жрущих друг друга СЧК и Инквизиции, вы получите новых хиви, посерьёзней прежних. И Вам уже и не за кого будет воевать... Разве что за себя.

Болотников докупил ещё одну сигарету и всмотрелся в лицо собеседника. Да, именно собеседника, а не пленного. Такое можно было услышать только из беседы, а не в ходе допроса. То, что он сейчас узнал, было столь важно, сколь и тяжело. В скором времени тот, кто был их верным другом, тот, кто казался самым важным звеном на пути к Победе, окажется их самым опасным врагом.

Маша

Маше снова снился тот сон. Где она стоит посередине поля, а вокруг стоят две здоровенных армии, друг напротив друга. И два военачальника от этих армий торговались друг с другом за неё. Поливал ливень и гремел гром, а молния сверкала так, что иногда становилось светло как днём.

Она стала вглядываться в детали, в том, как именно что-то обсуждали эти двое, стоя каждый перед своим войском. И тот из них, что был в светлом одеянии, вёл себя немного нервно. Было видно, что ему нужнее сейчас что-то выторговать. Словно это что-то личное, важное для него самого.

Маша стала вглядываться сильнее в его лицо, пытаясь узнать что-то знакомое, и, наконец, разглядела в нём лицо Рафаила, своего погибшего мужа.

Они писали на листах бумаги какие-то цифры, а потом показывали попеременно их друг другу. И не совсем походило на какие-то ставки, а скорей на то, чтобы показать своё право на неё.

Рафаил отошёл чуть в сторону и написал на новом листе одно слово. В темноте не было видно, какое оно, но было точно видно, что оно одно, и что это не цифры, как раньше. В какой-то момент Маше показалось, что там какое-то имя.

Следующим движением Рафаил достал из-за пазухи нож и, надрезав себе большой палец руки, приложил его к этой

бумаги чуть с краю от слова.

И тут Маша увидела то слово, что было написано: «Наталья». Рафаил торговался уже не за свою жену. Он торговался ещё за другую женщину.

Живенко – Кошкина

Во сне Наташа была в том же лесу, что и в прошлый раз. И также гремел гром и также сверкали молнии где-то вдалеке. А громогласные возгласы так и отражались от небес, с задержкой долетая до её ушей.

Всё так же друг с другом торговались двое. И она уже не сомневалась, что там её имя. Ей даже не особо хотелось смотреть, что там происходит. Теперь она разглядывала всё вокруг: разных воинов в совершенно разнообразных одеждах и доспехах, с мечами, копьями, булавами и такими видами холодного оружия, которое она себе даже не представляла. Даже мечи, казалось бы совершенно стандартное средневековое оружие, и те были изошрённых форм и видов: изогнутые волнами по всей длине, с продольной дырой посередине, с зубцами возле рукояти или с какими-то камнями в самой рукояти. Океан разнообразия доспехов, одежд и оружия.

И совершенно одинаковые глаза у всех. Глаза даже не различались у разных противоборствующих сторон. Одинаково стеклянный ничего не выдающий взгляд. Такой взгляд, который застывает в вечности вместе с чем-то бОльшим, движущимся своей жизнью. Словно, для них нет разницы: жить или умирать, побеждать или проигрывать. Словно им важно одно лишь движение в ту сторону, где это нечто бОльшее их

ожидает.

И тут ей стало казаться, что она понимает это что-то единое во всём, что её окружало. Пока она не могла понять, что это, но ощущение того, что это есть, и это что-то одно словно захватило весь её разум.

В этот момент два воина, ранее торговавшие по поводу неё, стали передавать друг другу свитки. И на каждом из них она разглядела сакральное изображение Чёрного Камня, которому поклонялись чумы, и в котором они черпали свою силу.

Воины стали рассматривать, написанное ими, и почти одновременно утвердительно покачали головой. Казалось, что они о чём-то малом, но договорились. Это становилось уже чем-то важным, и теперь всё же надо было взглянуть, не изменилось ли что-то внутри свитка.

И в этот момент один из воинов, повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза. Ей казалось, что это невозможно. Её никто не видел и не мог сейчас видеть. Она полностью ощущала себя призраком. Но сейчас он точно смотрел ей в глаза.

– Только вместе Вы сможете понять всю его тайну. – сказал воин, а в его глазах отражалась надпись на свитке одного единственного слова «Мария».

Миша проснулся от того, что его кто-то тряс из стороны в сторону. Ему только сейчас снилось, как он колошматит колонну чумов из крупнокалиберного пулемёта, и ошмётки

его врагов летят из стороны в сторону, а теперь перед ним были зелёные глаза Наташи.

– Да что случилось?! – недоумевая протирал глаза Миша. – У меня ведь всё шло по плану...

– Мария!

– Что Мария? Дева Мария? Я не католик.

– Да Миш! Я говорю, похоже я могу узнать, как снять чары Чёрного Камня!

– Чего? – удивился Миша. – А что нам это даст?

Сейчас действительно трудно было понять, чем чары Чёрного Камня помогают чумам или мешают людям. Когда чумы только напали, то их священный артефакт открыл врата и заглушил всю земную технику, что позволило чумам победить. Но теперь, когда люди уже рабы, порталы открывать не надо, а техники и вовсе почти нет, то особой пользы или вреда от Чёрного Камня тоже нет.

– Я не знаю! – вскричала Наташа. – Я вижу этот сон. И вижу, что это очень важно! Очень! Я не могу объяснить, я только чувствую. Чувствую, что это очень важно. Что это надо сделать. Я не знаю зачем!

– Хорошо-хорошо. Допустим. И что надо делать?

– Мария. Надо найти Марию. Он сказал, что вместе с ней мы сможем найти ответ. Понять тайну Чёрного Камня. Миша, мы сможем быть свободны тогда.

– Да-да, хорошо. – Миша поднялся с кровати и размялся. – Хорошо. Мы найдём Марию... Чёрный Камень затух-

нет, а чумы испарятся... Я только За.

– Да поверь ты мне!

– Милая, я тебе верю, как себе... Мне только что вот приснилось, что я изрешетил колонну врагов из КПВТ... Как хорошо. Где бы взять КПВТ? Вот дела пошли бы в гору...

Наташа удручённо махнула руками, легла обратно на спину и, задумавшись, прислонила руку ко лбу: – Что-то должно быть... Должно...

– Пойду прогуляюсь. – сказал Миша и вышел из избы.

Было ещё очень рано, и ещё темно кругом. Но та свежесть, которая витала вокруг, хорошо бодрила, и появились силы походить вокруг. Когда-то мы сможем так ходить, сколько захотим и где захотим. И не будем думать о том, что откуда-то прилетит снаряд, или вдруг поднимут по тревоге. Может, это не скоро совсем, но такое время точно наступит.

Пройдя до конца улицы, Миша повернул за угол и пошёл перпендикулярно ей. Если так идти, то через пару минут наткнёшься на штаб. Заодно можно и проверить, как там сейчас пацанам смена несётся. Должно быть тихо, но с часowymi, разгуливающими вдоль периметра.

Оказалось, весьма шумно. Несколько человек выбежали из штаба и понеслись куда-то в сторону гауптвахты, а возле самого входа в штаб вместо двух караульных находился с десятков и несколько броневиков «Тигр» по сторонам дороги.

Миша подбежал к ближайшему из караула: «Что такое? Команда «Сбор»? Тревога?»

– Никак нет, товарищ капитан.

– Усиление?

– Не могу знать, товарищ капитан. Приказ никого не пускать.

В этот момент из штаба вышел Виктор Хмельницкий. Шеврон штрафника (белый череп в берете) смотрелся на его форме, скорей, не как обременение, а как почётный знак. Заметив Живенко, он прошёл через оцепление караульных и поздоровался с Мишей за руку.

– Ну вот и доброго утра, Миша... Предателя взяли.

Миша стоял как вкопанный, ожидая продолжения.

– Раньеров.

– Раньеров? – нельзя было поверить своим ушам. Этот мерзавец постоянно лез не в своё дело. И лучше его кандидатуры на эту роль и представить было нельзя. Но чтоб на самом деле... Мерзавец это одно, а предатель – совсем другое. Да и слишком уж отрицательный персонаж – как в шекспировской пьесе прям. Слишком, получается, сходится желаемое с действительным.

– Да. Взяли его... И нам очень повезло, что при децимации в выборе штрафников, он к нам не попал... А то бы ещё за это прилетело.

Немного приподнятое с утра настроение Миши упало до нуля. Он ненавидел Раньерова, и несколько раз сам желал разбить ему морду. Но вот так видеть в нём того, кто будет по сути служить чумам. Нет. Это что-то совсем другое. Это

нельзя просто так принять за данность. Он должен убедиться в этом сам.

Префект

Жизнь на шахте стала настолько эффективной, что люди могли уже не только отдыхать необходимое им время, но и готовиться к чему-то большому. Тихомиров организовал в одном из отработанных секторов забоя учебные стрельбы и тактические учения по манёврам на коротких дистанциях. Стреляли в основном «вглухую», то есть с пустыми обоймами, а боевые патроны тратили примерно 1 к 20 глухих выстрелов.

В этот день префект был, как всегда у себя. От Ананхр он получил в письмо, в котором говорилось о том, что в ближайшее время ему будут переданы в управление ещё 6 шахт, с общим количеством в 43 тысячи человек:

«Префекту сектора «Диза»

В связи с успехами в управлении в ближайшее время Вам будут переданы под управление ещё 6 шахт с общим количеством в 43 тысячи человек. Внешнюю охрану периметра обеспечит подразделения «Хиви», которые сегодня выдут с Вами на прямой контакт. Обеспечьте им всю необходимую поддержку.

От Вас требуется увеличить добычу в полтора раза в течение 2 месяцев, и далее держать эту планку на том же уровне.

Руководитель СЧК группировки «Донецк-Макеевка».

Эта новость, а также выявление информатора маки весь-

ма подняло боевой дух. Но теперь маки будут только мешать. Они не поверят, что передача ему ещё других шахт может быть им на руку, а не во вред. Они считают, что Гора просто стал пешкой в игре чумов, и просто послушно им служит. Очень скоро они сами захотят убрать его, как до того убрали Манхра. А даже если не захотят, то вся их деятельность всё равно будет направлена против производства на шахтах, а из-за этого можно только потерять своё влияние и доверие чумов. А доверие чумов во второй раз заработать не получится...

Хорошо вспомнилась докладная от Койота к шефу местного СЧК. Очень хорошо вспомнилась.

И вспомнилась именно потому что только что ему доложили, что группа вооружённых людей спускается в шахту. Не новая группа чумов, не СКЧ, а именно вооружённые люди, которых чумы пропустили.

Сам факт был настолько удивителен, что поначалу ему даже не хотели верить. Кто-то сказал, что это маки прорвались и сейчас заберут всех с собой. Кто-то вспомнил про мятеж болгар. Кто-то решил, что уже сходит с ума. Но когда эти крепкие парни, вооружённые с головы до ног, направились к кабинету префекта, всем стало ясно, что это не маки и не болгары, а что-то совсем иное, ранее не виданное ими.

Зайдя внутрь, энтузиазм их несколько упал, когда они увидели Гору. Его глаза, как и прежде, отражали целеустремлённость, железную волю и стратегический ум. Такие каче-

ства заставят уважать кого угодно.

– Неплохо вы здесь устроились... – сказал главный из пришедших. У всех из них красовался шеврон с белым злостно скалящимся черепом над перекрещенными костями, а у него ещё и петлицы в виде двух молний на воротнике.

– С кем имею честь? – у Горы на крайний случай в столе была припасена граната Ф-1.

– Кобра. Меня зовут Кобра. – взгляд его был не то чтобы суровым, он отдавал ещё чем-от таранным и неспособным к пониманию других точек зрения. Словно слово «правда» для него было в единственном заранее выверенном числе.

– Полагаю, если б вы хотели нас всех поубивать, то мы бы сейчас не разговаривали. – спокойно и твёрдо сказал префект. – Так говорите тогда, зачем пришли.

– А я полагаю, что вас не смущает наличие оружия у людей, которые здесь находятся. Не так ли?

– Верно. Раз чумы нам разрешили его иметь. Значит кому-то ещё могут... Было бы эгоистично нас считать исключением... Но больше мне интересно, насколько давно вы имеете такую привилегию.

– Привилегию? С рождения! – расхохотался Кобра. – Господин префект, это вы тут только начали свою жизнь обустраивать. А мы давно при делах... В этом плане мы прям склоняем голову перед маки, которые так строго держат нашу тайну в секрете. И скрывают от всех узников, как много людей на самом деле не то что свободны, а рады быть бок о

бок с чумами... Если хотите, угнетая, других людей... Кто ж считает тех кто там, а кто здесь.

– Хорошо. Допустим, мы получили её не с рождения. Но теперь эта привилегия у нас тоже есть. И мы теперь ещё лучше трудимся на благо чумной империи.

– Да брось ты это, префект. Брось ты разговоры об империи.

Гора продолжал на него спокойно смотреть. Стало видно, что теперь он, наконец, перейдёт к делу.

Кобра словно оглянулся по сторонам, покорчив немного рожу – Чумов здесь уже нет, кроме администрации. И СЧК почти нет, кроме Ананхр и её личной роты охраны. Поверхность охраняем мы. И в ближайший месяц тебе передадут управление остальными шахтами Донбасса, которые также охранять будем только мы... Не знаю, что за игры там затеяла СЧК со всем этим автономным управлением, но знай одно – облажаешься, и нам за это тоже влетит. А если нам влетит по твоей вине, то таких вот разговоров у нас больше не будет...

– Здесь нет такого слова. «Облажаться». Здесь есть слово «Приказ». Мой приказ. И он должен быть выполнен. В одной шахте или в нескольких. То что вас сейчас сюда пропустили, так это только потому что я разрешил. Скажи я тому, кто управляет лифтом, взорвать себя вместе с этим лифтом и вами, он бы сделал это, не задумываясь... И, знай, что мне по душе твои слова.

– А мне, знаешь, даже по душе твои аппетиты. Если ты и правда проглотишь всё, что дадут взять чумы, это будет чёртов джекпот.

– Если б ты не был в этом уверен, ты бы не пришёл сюда сейчас. Ты сам это знаешь... И ещё кое-что... Если ты действительно так ратуешь за наше общее дело, то нам нужна помощь с маки. Манёвров на поверхности мы проводить не можем, а маки мешают транспортировке угля по наружным маршрутам. Из-за этого мы вынуждены были перекинуть всё на подземные. По второму пути. А доставка на второй путь отнимает у нас в три раза больше сил, чем если бы мы перевозили по поверхности... Мы можем ожидать какого-то содействия в этом направлении?

– Хочешь свои проблемы разгрести нашими руками... – усмехнулся Кобра.

– Да. – Гора знал, что нестандартные и прямые ответы поражают больше всего, а с такими людьми можно иметь дело только так: прямо и нестандартно. – И я в долгу не останусь.

– Ха-ха! – Кобра снова рассмеялся. – Ты и правда такой, как о тебе говорят. Железный, твою мать! Мы и сами хотели поквитаться с местными маки. Не буду скрывать... Но помни, что мы тебе помогли. Скоро придёт время, и мы спросим помощь с тебя.

– И вы её получите. – твёрдо ответил префект. – Уберите только маки с моей дороги.

Конец второй части

Социальные сети автора:

Youtube – [https://www.youtube.com/channel/](https://www.youtube.com/channel/UC850VD9hdNOr1uzYFIJz3GA)

[UC850VD9hdNOr1uzYFIJz3GA](https://www.youtube.com/channel/UC850VD9hdNOr1uzYFIJz3GA)

VK – <https://vk.com/homoludus>

Дзен – <https://dzen.ru/homoludus>

Livejournal – <https://homoludus.livejournal.com/>